

КРИТИКА
ПОЭТОВ

СТАТЬИ ГИЙОМА АПОЛЛИНЕРА ОБ ИСКУССТВЕ

Гийом
Аполлинер

12+

Гийом Аполлинер

**Критика поэтов. Статьи Гийома
Аполлинера об искусстве**

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Аполлинер Г.

Критика поэтов. Статьи Гийома Аполлинера об искусстве /
Г. Аполлинер — «ЛитРес: Самиздат», 2010

ISBN 978-5-532-99371-6

Статьи Гийома Аполлинера об искусстве являются важной частью творчества Гийома Аполлинера и частью наследия, известного как «критика поэтов», оставленного нам Гийомом Аполлинером, Андре Сальмоном и Рожером Алларом. В своих статьях поэт начала 20-го века по-импрессионистски освещает очень важный период в истории изобразительного искусства. Книга будет интересна искусствоведам, изучающим искусствоведение и всем любителям творчества Гийома Аполлинера.

ISBN 978-5-532-99371-6

© Аполлинер Г., 2010
© ЛитРес: Самиздат, 2010

Содержание

Критика поэтов. Статьи Гийома Аполлинера об искусстве. 1902–1918	5
1902	6
Пергамон в Берлине	6
Выставка в Дюссельдорфе	7
Немецкий музей Нюрнберга	8
1903	10
Подделки	10
1905	13
Пикассо, живописец и рисовальщик	13
Молодые: Пикассо, живописец	14
1907	16
Бернгейм-Ваграм	16
Осенний салон	17
Девальер	22
Дело Мориса де Вламинка	28
1908	30
Салон Независимых	30
Три добродетели изобразительного искусства	35
Жорж Брак	37
1909	39
Владислав Гранцов	39
[Гниющий чародей]	41
Медальон. Фовист	42
1910	43
Выставка Сезанна	43
Ежегодная выставка Кружка Ассоциации	44
Жизнь художников	45
Следите за живописью! Салон независимых художников	49
выставлено 6 000 полотен	
Вернисаж	53
Жизнь художников	58
Перед верниссажем Салона национального общества изящных	60
искусств	
В Гран-Пале Президент Республики открывает Салон	61
национального общества	
Вернисаж в «Национале»	63
Президент республики открывает Салон французских	67
художников	
Жизнь художников	76
Бенджамин Рабье	79
Жизнь художников	80
Маленький вернисаж в Гран-Пале. Немецкие художники	84
собираются штурмовать предместье Сен-Антуан	
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Гийом Аполлинер

Критика поэтов. Статьи Гийома Аполлинера об искусстве

Критика поэтов. Статьи Гийома Аполлинера об искусстве. 1902–1918

Критика поэтов. Статьи Гийома Аполлинера об искусстве. 1902–1918

Гийом Аполлинер – Вильгельм Альберт Владимир Александр Аполлинарий Вонж-Костровицкий (26 августа 1880, Рим – 9 ноября 1918, Париж). Французский поэт, один из наиболее влиятельных деятелей европейского авангарда начала XX века. Как критик искусства, он был не только защитником кубизма и нового изобразительного искусства, но также просвещённым свидетелем всего, что производило в его время искусство. Его работа рассказчика, драматурга, журналиста не перестаёт удивлять.

1902

Пергамон в Берлине

Берлин город ужасный и простой. Всё, что стремится придать ему вид столицы, исполнено отвратительного дурновкусия. Впрочем, любой город империи, неважно какой, интереснее этого города без церквей. Если бы не замки в окрестностях города, не несколько картин старинного музея и не недавно открытый Пергамон, путешествие в Берлин было бы бесполезным. Здание, которое называется Пергамоном, расположенное за старинным музеем, содержит находки, привезённые с раскопок в Пергаме, и, самое главное, знаменитую гигантомахию, которая украшает алтарь Юпитера. Этот алтарь реконструировали, и на эту работу у берлинских учёных ушло двадцать три года.

Но как же это прекрасно! Какая это восхитительная поэма в камне! Земные, морские и подземные олимпийские боги, животные, гиганты, чудовища яростно переплетают свои местами повреждённые члены, торсы богинь вздымаются в руках героев, лица искажены гримасами, рты открыты. Эта работа, которую ремесленники изваяли из крупного куска гранита, так сознаёт свою божественность, что путешественник, забыв о толпе посетителей с закрученными кверху усами и уродливых женщин, ожидает часа, когда быки замычат в гекатомбах.

Эта гигантомахия датируется третьим древнегреческим периодом, который длится с 331 года по 63 год до Рождества Христова.

Созерцая работу каменотёсов из Пергама, люди в Германии, возможно, станут скульпторами. Я этого им желаю, потому что немцы действительно не имеют никакого представления о том, что такое скульптура. Огородные пугала в *Аллее Победы*, работы Бегаса или, из недавних, Макса Клингера (нравится это или нет господину Георгу Брандесу) не содержат ничего такого, что могло бы идти вразрез этому мнению.

(Бельй журнал, 15 мая.)

Выставка в Дюссельдорфе

Значительное усилие двух провинций, которые сотрудничали при создании выставки *für Westfalen und Rheinland*, организованной в Дюссельдорфе, не должно, тем не менее, ввести в заблуждение посетителей относительно кризиса немецкой промышленности и коммерции. Одной из наиболее интересных частей экспозиции является *Kunstpalast*. Этот дворец содержит первую большую выставку изящных искусств в Дюссельдорфе. Здесь выставляют свои работы художники со всей Германии.

Школа Дюссельдорфа, казалось, находится в упадке. Из художников, которые принесли ему славу, один из Ахенбахов, единственный, ещё держится, он богатый, немного сумасшедший и уже немодный. И всё же среди хаоса очень сомнительных произведений Берлина, странных присланных из Дрездена и Вены работ, картины художников молодой школы Дюссельдорфа: Гебхарта, Янсена и Бохманна, – создают впечатление успокаивающего и утешающего здоровья, полезного для будущего этого милого процветающего города. В общем, на этой выставке, которая претендует на то, чтобы быть чем-то вроде *Décennale*, очень не хватает значимых художников.

Это правда, что многие художники, которые, по той или иной причине, не нашли места для своих работ в *Kunstpalast*, хорошо представлены в открытых галереях города. Так обстоит дело с профессором Брауном (из Мюнхена), баталистом, учеником Верне. Г. Браун выставляет очень личные пейзажи баварских Альп.

В секции искусств, применяемых в промышленности, очень примечательны присланные из Вены работы.

Главным скульптурным произведением является *Бетховен* Макса Клингера. Я уже видел прошлой зимой в Вене такой фасон Юпитера из цветного мрамора, который, казалось, в первую очередь, предназначен быть дежурным предметом в любой художественной мастерской. Его приняли за шедевр. Дискуссии, которые длятся больше года, не сделали его лучше, по моему разумению. Три страны, Пруссия, Саксония и Австрия оспаривали его друг у друга. Саксония взяла верх, *Бетховен* отправился в Лейпциг.

В целом, выставка в Дюссельдорфе очень важна. Я желаю, чтобы в результате она придала жизни этому центру искусств, у которого нет недостатка в столицах.

Мне показалось, прежде всего, что художники Дюссельдорфа проявили себя в качестве художников жизни и света, они должны продолжать в том же духе. Они только выигрывают, противопоставляя свою искренность лжи сепаратистов из Мюнхена, представленных слишком знаменитым и злополучным профессором Штуком, и теми, что из Берлина, о которых вообще не стоит говорить.

(Европейцы, 11 октября.)

Немецкий музей Нюрнберга

После того, как Вы в двадцатый раз обошли вокруг Нюрнберга, после того, как заплатили за вход во всех церквях, после того, как Вы были в восторге от Прекрасного Фонтана и от всех прочих фонтанов города, после того, как Вы остановились на каждом мосту через Пегниц, после того, как посетили древний *Kaiserburg*, дом Дюрера и поразмышляли у его надгробия на кладбище Сент-Жан, после того, как Вы выпили нюрнбергского пива, которое многие ставят выше мюнхенского, в *Bratwurst-Gloecklein*, маленькой гостинице, все ещё полной воспоминаний о Дюрере, о Крафте, о Вишере, которые, в своё время, были её завсегдатаями, и где можно увидеть память о более современных событиях: дивный рисунок, который Вальтер Крейн оставил там во время своего переезда в 1900 году (на этом рисунке изображён подъёмный кран – по-английски *crane* – на котором подвешен оловянный кувшинчик и написано *Prosit* на картине, изображающей Альбрехта Дюрера таким, каким он изображён на его портрете Христа в Пинакотеке Мюнхена, но только в профиль), после того, как Вы, в конце концов, всё в Нюрнберге увидели, Вам следует пойти в национальный немецкий музей – *Germanisches Nationalmuseum*. Хотя и возведённый на территории королевства Бавария, этот музей принадлежит Германской Империи. Его основал барон Ганс фон Ауфсесс, впоследствии его достроили, его торжественно открыл в 1892 году император Гийом II в присутствии регента Баварии.

Причиной создания этого музея стало стремление утвердить перед лицом всей вселенной немецкий художественный гений. Ибо этот музей содержит не только оригиналы или репродукции работ, родившихся на земле империи, но произведённых на всех территориях, где живут немцы, и где говорят на немецком, как то Австрия или часть Швейцарии. Я сообщаю об этой идее, которая мне показалась превосходной, и мне представляется желательным, чтобы какой-нибудь авторитетный человек взял на себя создание подобного музея для, несомненно, более важных произведений, обязанных своему возникновению латинскому гению. Нет необходимости в том, чтобы для возведения этого музея выбирать всемирно известный город, такой как Париж. Даже немцы выбрали Нюрнберг, потому что этот город является образцом и идеалом их средневековых городов, можно было бы выбрать город, который был бы цельным обобщением латинского мира. Я говорю о Ниме, о Риме или даже, почему бы и нет? о Трире на Мозели, они годятся для того, чтобы вместить этот музей, в который будут вносить свой вклад: Франция, Бельгия, рейнские и мозельские земли, Италия, Пиренейский полуостров, Румыния, северная Африка и Латинская Америка.

Возвращаясь к музею в Нюрнберге, он содержит античные и исторические коллекции, кабинеты монет, медалей и эстампов. Он обладает, более того, важными архивами и библиотекой, насчитывающей 200 000 томов.

Барон Ауфсесс приобрёл, чтобы сделать его музеем, монастырь картезианцев, построенный Маркаром Менделем в 1380 году и принадлежавшем городу во время Реформы, *Tiergaertnersthorturm*, дома в нём рассказывают о Пилате и о Топлере. Музей был организован под руководством покойного личного советника доктора А. фон Эссенвейна. После того, как я посмотрел многие коллекции, относящиеся к доисторическому времени, к германским периодам, я заметил в зале 7 гальванопластическую репродукцию золотого сокровища Атанарика, короля визиготов, которая хранится в музее в Бухаресте. В залах с 10 по 13 представлена коллекция сковородок из глины, они, конечно, в своём роде, великолепные. Дальше располагаются репродукции колоссального Роланда из Брема. В зале 28 находится *Дева* нюрнбергская, шедевр немецкой средневековой скульптуры, репродукция которой есть в музее скульптур, сравнимом с Трокадеро. Зал 33 содержит коллекцию скульптуры из дерева, принадлежащую городу Нюрнбергу. Там можно увидеть работы Вейта Штосса и подлинную модель человечка с гусьями

Лабенвольфа, которая украшает знаменитый фонтан, который многие немецкие города, как Штутгарт и Бонн, совсем недавно скопировали.

На верхнем этаже находится очень интересная коллекция на исторический сюжет жизненного уклада в Германии, в Тироле, в Швейцарии. Зал 56, коллекция переплётков, коллекция, содержащая типографский станок, тексты Ганса Сакса и т. д. Далее, проходя через залы, выделенные для фармацевтики, астрономии, алхимии, нюрнбергской игрушки, приходишь в картинную галерею, которая, частично, принадлежит городу. В этой галерее есть *Дева с цветком горошка*, исполненная в той же манере, что картина Мэтра Гийома, в музее в Колони.

(Европеец, 13 декабря.)

1903

Подделки

Отныне будут снова и снова слышать во всех музеях, перед самыми достойными художественными произведениями, этот надоевший припев: «Говорят, подделка». Тиара Саитоферна вызовет у публики, я надеюсь, большое презрение к прошлому. Презрение – это освобождающее чувство. Оно вдохновляет высокую душу и побуждает её к великим начинаниям.

Было бы прискорбным единственное пренебрежение, а именно, пренебрежение к прекрасному. Тиара Саитоферна прекрасная вещь. Я так чувствовал, когда я её видел, и, к тому же, я читал в газетах о том, что ювелиры разделяют это мнение. Причины, приведшие в ужас учёных, чисто археологического порядка. Это всё равно, что сказать, что эти причины не имеют никакого значения. И потом, согласно первым свидетельствам самих учёных, по крайней мере, тех, кто работает в Лувре, эта тиара изумительной работы; я добавлю, не боясь употребить вышедшее из употребления выражение: она прекрасна, как античная. Стало быть, тиара Саитоферна не заслуживает презрения. Министру искусств не хватило, конечно, духу в этой ситуации: прекрасный предмет искусства, если он достоин выставляться в национальном музее, не должен из него уходить.

Эту тиару, всего-навсего, поскольку есть вероятность того, что мастер ещё жив, могли бы перевезти в Люксембург и выставлять её с таким объяснением, которое вернёт произведению всю его аутентичность: *неизвестный русский художник, конец XIX века*. По прошествии десятка лет, тиару можно было бы вернуть в Лувр, и выставлять её там как шедевр ювелирного искусства прошлого века. У учёных, занятых увеличением национальных коллекций, была бы даже задача приобрести насколько возможно больше работ этого великого художника, в данное время неизвестного. Его могли бы обозначить прозвищем «Мастер тиары Саитоферна», как это уже происходит в живописи: Мастер Успения Богородицы Марии, Мастер Сент-Северена, Мастер алтаря Гейстербаха, Мастер Святого Варфоломея, принадлежащего семье Буасре (произносится Бозре).

Немцы, которые, в этих обстоятельствах, рвались выразить нам своё глупое сочувствие и измотать нас бесполезной педантичностью, сами так действуют при случае. Разве экспонат одного из их музеев не был признан подделкой? консерваторы, вместо того, чтобы огорчиться и спустить эту работу в подвал, всего-навсего добавили одно словцо: *nach* (по) перед именем художника. Возьмём, например, хотя бы музей Дрездена. Одним из украшений этой действительно знаменитой галереи была некогда *Мадонна бургомистра Майера де Баля*, кисти Ганса Гольбейна, младшего. Известно, с 1871 года, что оригинал этой картины Гольбейна находится в Дармштадте, во дворце великого герцога де Гессе. А в Дрездене добавили *nach* к табличке с именем художника, и она осталась на почётном месте, которое занимала. С Жаном Брейгелем, старшим, та же история. *Поклонение волхвов* находится в Вене, а *Генисаретское озеро с проповедующим Христом* находится я не знаю где. Дрезден, который выдавал их за оригиналы, поставил *nach* перед именем Жана Брейгеля. Вкус к подделкам составляет часть немецкого характера до такой степени, что шейный платок, который выставляется в бутике с биркой «шёлк» будет в основном из хлопка; на настоящий шёлк будет указано так: «чистый шёлк». В своих музеях немцы выставляют копию с такой гордостью, как если бы показывали оригинал. Немцы носят фальшивые драгоценности с такой гордостью, как если бы они были настоящими.

Французы сожалеют о том, что тиара оказалась фальшивкой. Считалось, что это первый случай, когда во Франции обнаружилась подделка. Французы заблуждаются. Ввиду того, что эта тиара оказалась такой фальшивой и гнусной, можно было бы, поскольку речь идёт о

золоте, очень неплохо её использовать, предложив её президенту Республики, красивое бородастое лицо которого она могла бы оттенять.

В любом случае, подделки больше не должны никого смущать. В каждом городе имеются свои официальные фальшивости. В Константинополе показывают в Соборе Святой Софии, англичанам и другим туристам, отпечаток руки завоевателя и отметину от удара саблей, после того, как он ударил по одной из стен. В Мюнхене, в Фрауенкирхе, копыта дьявола оставили на каменном полу две чёрные линии. В Бонне, большая таверна, служившая помещением для попоек императора во времена, когда тот был студентом, и, в недавнем прошлом, Кронпринца, его сына, хранит пивные кружки, из которых пили эти два принца. Выставленные на маленьких полочках, они приводят в восторг всех, кто посещает эту таверну в городе муз. Признайте, что если бы неловкий официант опрокинул одну из этих пивных кружек, можно было бы держать пари, что он заменит её одной из многочисленных похожих на неё, которая представляет собою основу данного заведения.

Литература также полна подделок. Поэты, воспевающие Елену, более ослепительную, чем её братья небесные звёзды, белую, как её отец, влюблённый лебедь, который никогда не пел, и Анжелику, королеву Катя, намереваются воспевать молодость, соединённую с красотой. Но нам известно от Люсьена: в момент своего бегства с фригийским пастухом, Елене был почти пятый десяток, а поэма Брузантини, *Angelica innamorata* (Влюблённая Анжелика), убеждает нас в том, что этой даме было сорок лет, когда она полюбила Медора.

*Ella era gionta al quadragesimo anno
Et era quasi alhor più che mai, bella.*

Этих поэтов ввёл в заблуждение Гомер и Л'Ариост.

Евангелия были созданы после персонажей, которым их приписывают, и разве не выставлено в некоем храме изображение Девы Марии, написанное Св. Лукой? Я не говорю уже о фальшивых мощах, число которых всё умножается, и об участвующих в скачках лошадях, родословные которых были сфабрикованы в Бельгии.

Кто-то должен быть скептиком в том, что касается подделок: это господин Доменек, который недавно крестил господина Гастона Поллоне. Господин Доменек опубликовал, в 1860 году, у Жида, сборник под названием *Американская рукопись с иллюстрациями, которой предшествует заметка об идеографии краснокожих*. Рукопись, о которой идёт речь, и которая хранится в библиотеке Арсенала под названием *Книга дикарей*, является работой одного немца. Это сборник карандашных рисунков, большая часть их непристойные. Множество вульгарных немецких слов, разбросанных по этому сборнику, и написанных немецкими буквами, были приняты господином Доменеком за ирокезские слова.

Я видел, как работает изготовитель подделок в Хоннефе, который расположен на берегу Рейна. То был очень странный старик, живущий отшельником и не общающийся ни с кем, кроме иностранцев, которые приходили к нему покупать старинные вещи. Этот человек специализировался на изготовлении поддельной керамики Зигбурга. Он принял меня по-дружески, и однажды я видел его, стоящего на коленях в своём садике, в тот момент, когда он пачкал влажной землёй новые гончарные изделия, которые, несколькими месяцами позже, он продал протестантскому пастору любителю рейнских древностей. Этот фальсификатор был совершенно счастлив только в те дни, когда он заканчивал какую-нибудь подделку. После этого он смотрел на неё в восхищении, улыбаясь и говоря: «Я сотворил бога, фальшивого бога, настоящего хорошенького фальшивого бога». Затем он брал свою гитару и пел, кривя свой беззубый рот, старые немецкие песни, в которых прославляются Кетхен из Гейльбронна или Шиндерханнес.

(Белый журнал, 1-е апреля.)

1905

Пикассо, живописец и рисовальщик

(Галерея Серрюрье)

О Пикассо говорят, что его работы свидетельствуют о преждевременной утрате иллюзий. Я думаю, всё обстоит как раз наоборот.

Всё очарование его несомненного таланта, мне кажется, служит фантазии, которая правильно смешивает восхитительное и ужасное, отвратительное и изысканное.

Его натурализм, влюблённый в точность, удваивается этим мистицизмом, который, в Испании, покоится в глубине даже самых нерелигиозных душ. Известно, что Кастеляр носил в своём кармане чётки, и, если Пикассо менее религиозен (как я думаю), бьюсь об заклад, он, должно быть, сохранил культ утончённого почитания святой Терезы или святого Исидора.

В Риме, во время карнавала, есть маски (Арлекин, Коломбина или *cuoca franchese*), которые утром, после буйного празднества, которое иногда не обходится без убийства, идут в церковь Святого Петра, чтобы поцеловать замусоленный палец ноги статуи главного апостола.

Вот создания, которые очаровывали Пикассо.

Под пёстрыми лохмотьями его гибких бродячих акробатов, действительно, чувствуются молодые люди из народа, ветреные, хитрые, ловкие, нищие и лживые.

Его матери нервно сжимают свои тонкие пальцы, как это часто делают молодые матери из низких слоёв общества, и эмблема его обнажённых женщин – покрытое волосами лоно, вызывающее презрение у традиционных художников и являющееся щитом западного целомудрия.

(*Аморалистический журнал, апрель*)

Молодые: Пикассо, живописец

Если бы мы знали, все боги проснулись бы. Порождённые сохраняемым человечеством самим для себя глубоким знанием, пантеизмы, которым поклоняются, и которые его, человечество, напоминают, уснули. Но, несмотря на эти вечные сны, есть глаза, в которых отражаются человеческие существа, похожие на дивные и сияющие фантомы.

Их глаза внимательны, как цветы, которые всегда хотят созерцать солнце. О преизливающаяся радость, есть люди, смотрящие на мир такими глазами.

Пикассо смотрел на человеческие образы, проплывавшие в лазурном небе нашей памяти, и бывшие частью божества, делая нас метафизиками. Сколь благословенны эти небеса, взволнованные полётом, с их тяжёлыми и низкими огнями, как те, что светят в пещерах.

Есть такие дети, которые слоняются по улицам вместо того, чтобы учить закон Божий. Они останавливаются, и дождь затихает: «Смотрите! Есть люди, живущие перед этими лачугами, и их одежда бедна». Эти дети, которых не лелеют, понимают так много. Мама, люби меня сильнее! Они умеют прыгать, и акробатические номера, которые им удаются, отмечают этапы умственного развития.

Эти женщины, которых больше не любят, помнят. Они слишком часто повторяли свои утомляющие идеи. Они не молятся; они погружены в воспоминания. Они спрятались в сумерках, как старая церковь. Эти женщины сдались, и их пальцы движутся в плетении венков из соломы. Со светом дня они исчезают, они утешены в тишине. Они обили много порогов: матери защищали колыбели, чтобы их новорождённых малышей не сглазили; когда они склонялись над колыбелью, их крошки улыбались, видя их такими красивыми.

Они часто благодарили, и их плечи подрагивали в этом жесте благодарности, как и их ресницы.

Завёрнутые в холодный туман старики ждали не думая, потому что думали только их дети. Воодушевлённые дальними странами, схватками животных, ставшими жёсткими волосами, эти старики могут просить милостыню без смирения.

Другие просящие милостыню потрёпаны жизнью. Это инвалиды, калеки на костылях и бездельники. Они изумлены тем, что достигли цели, которая оставалась в голубой дали, и которая перестала быть горизонтом. Старая, они превратились в безумцев, подобно королям, у которых было слишком много стад слонов, носящих на своих спинах маленькие крепости. Есть путешественники, которые путают цветы и звёзды.

Постаревшие, как быки, которые умирают к двадцати пяти годам, молодые принесли грудных детей, которых они кормят при свете луны.

В чистом свете дня, женщины молчат, их тела – ангельские, и их взгляд дрожит.

На случай опасности, они не выпускают своих улыбок наружу. Они ждут того, что их испугает, чтобы исповедовать свои невинные грехи.

В течение года, Пикассо продал эту мягкую картину, голубую, как влажная глубина пропасти, и жалостливую.

Сострадание сделало Пикассо жёстче. Площади были местом, где повешенный вытянулся на фоне домов, возвышающихся над наклонными фигурами прохожих. Эти казни ожидали искупителя. Верёвка, чудесным образом, отклонилась от отвесной линии; в мансардах стёкла светились вместе с цветами на подоконниках.

В комнатах, нищие художники-живописцы писали при свете лампы обнажённую натуру с покрытым волосами лоном. Множество женских туфель рядом с кроватью указывало на лёгкую спешку.

Спокойствие пришло после этого буйства.

Арлекины живут под пёстрыми лохмотьями, когда картина собирает, подогревает или обесцвечивает краски, чтобы сообщить силу и продолжительность чувств, когда линии, ограниченные трико, изгибаются, обрывают друг друга или смело устремляются в заданном художником направлении.

Отцовство придаёт необыкновенную красоту арлекину в квадратной комнате, между тем, как его жена моется холодной водой и любит себя, такая же тонкая и хрупкая, как её муж клоун. Соседний очаг догорает, остужая крытую фуру бродячих артистов. Красивые песни перекликаются друг с другом и, в стороне, проходят солдаты, кляня этот день.

Любовь хороша, когда её приукрашивают, и привычка жить в своём доме удваивает отцовское чувство. Ребёнок подводит отца к женщине, она, так хочет Пикассо, блистательна и безупречна.

Матери, первородящие, больше не ожидали ребёнка, возможно, из-за неких злобных сплетников или дурных примет. Новый год! Они произведут на свет будущих акробатов среди знакомых обезьян, белых лошадей и собак, похожих на медведей.

Сёстры подростки, переступая в поисках равновесия на больших шарах акробатов, сообщают этим сферам лучезарное движение миров. У этих девушек-подростков, они не достигли ещё брачного возраста, есть тревожность невинности, животные учат их религиозному таинству. Арлекины вторят преклонению перед женщинами, они на них похожи, ни мужественные, ни женственные.

Краски приглушённые, как на фресках, линии твёрдые. Но, поставленные на грань выживания, животные стали как люди, и их пол определить невозможно.

Животные полукровки обладают сознанием египетских полубогов; щёки и лбы молчаливых арлекинов иссушены болезненной чувствительностью.

Нельзя перепутать этих бродячих актёров со скоморохами. Их зритель должен быть благоговейным, потому что они с большим искусством воспевают лишённые слов ритуалы. Это именно то, что отличает художника от греческого горшечника, рисунки которого иногда приближаются к работам художника. На расписанной глине бородатые жрецы и болтуны приносят в жертву кротких и обречённых животных. Здесь мужественность безбородая, но она проявляется в нервах худых рук, в неровностях лица, и в животных есть какая-то тайна.

У Пикассо есть вкус к линии, которая избегает изменения и проникновения и производит почти уникальные образцы сухих пунктирных рисунков, в которых общие изображения мира ничуть не искажаются световыми эффектами, изменяющими формы при перемене света.

Больше чем все поэты, скульпторы и другие художники, этот испанец ранит нас, как короткий порыв ледяного ветра. Его размышления обнажаются в тишине. Он идёт издалека, от богатства композиции и brutального декора испанцев 17-го века.

Те, кто его знал, вспоминают о его стремительных яростных работах, которые были уже не просто этюдами.

Его настойчивость в поисках прекрасного вывела его на его дороги. Мне представляется, что он, в моральном отношении, в высшей степени представитель латинской расы, а в том, что касается ритма, он, в большей степени, араб.

(Пюм, 15 мая).

1907

Бернгейм-Ваграм

Речь ни в коей мере не идёт о новом автобусном маршруте, речь идёт о деле, которое разжигает страсти в мире художников, и на то есть причины.

Молодой человек из мира литераторов, к тому же, связанный с Ротшильдами, Ваграм, взял себе в голову мысль стать продавцом картин. Для этой цели он объединился с Бернгеймами, успешными коммерсантами, экспертами, торгуя, не различая их, самыми разнородными предметами живописи: Руабе, Сезанн; Жан Боро, Боннар; Мадлен Лемэр, Ван Гог; Бонна, Матисс, и т. д. Они там эклектики в высшем свете.

Говорят, чтобы испытать лояльность своих компаньонов, молодой человек из мира литераторов развлекался тем, что заставлял их продавать картины тайком.

Например, хорошо поторговавшись, Бернгеймы купили картину за 10 000 франков и заставили поверить своего молодого компаньона, что они приобрели шедевр за 50 000 франков, пустяковое дело, едва-едва цена картины.

Наш молодой господин счёл это злоупотреблением его некомпетентностью, он подал в суд на опытного торговца. Спрашивается, что собираются делать в этой тяжбе художественные эксперты, назначенные судьёй. Здесь, скорее, понадобятся эксперты из области литературы.

Мы видим, что это дело чисто коммерческое, и что ценность Сезанна, Ван Гога, Сёра, Гогена не исследуется в этом деле. Люди, которые, по глупости своей, кричали о крахе современного искусства, о живописи без рисунка! грубо ошиблись. Критики без художественного вкуса, невежественные любители, отсутствие у них культуры не даёт им заниматься тем, чего они совершенно не понимают. Они хотели бы низвести искусство до своего уровня, искусство, которое они не могут проглотить и которое удушает их!

Впрочем, мы охотно опубликуем объяснения, которые господа Бернгеймы любезно нам прислали.

(Я всё сказал, 25 июля)

Осенний салон

Надевай свою юбку из кретона
И твою шляпку, душечка!
Мы идём чуть-чуть посмеяться
Над современным искусством
И над Осенним салоном.

Ибо мне представляется, что посетить Осенний салон совершенно необходимо. Отцы семейств правильно поступят, если приведут туда, в педагогических и гуманитарных целях, своих сыновей.

Хорошо, если ребёнок усваивает с малых лет имена людей, которые будут прославлены в будущем.

ГОСПОДИН ЖУРДЕН

Господин Журден, которого Беньересы фамильярно называют *Франц прежде всего* или *шевелиющаяся нога* или *президент фасадов* или *добрый самаритянин*, совмещает функции архитектора Осеннего салона и почётного президента общества основателей универмагов *Самаритянин*, к которому он пристал одним вечером на углу набережной.

До чего же он хорошо сохранился для своего возраста! У него вид апостолического и анархического мормона, так что ему идёт орденская ленточка Почётного Легиона и эта песенка на известный мотив:

Господин Журден
С превосходным вкусом
В своём самом нежном возрасте.
Чтобы всё знать
Ему нужно только зрение
И совсем не нужен слух.
Как об архитекторе,
О нём говорят: «Какой мужик!
У него волосатый живот!»
И уверяют
Что он занимается живописью
Этот весёлый дилетант,
Который гордо носит
Свою орденскую ленточку

У него есть эта маленькая ленточка,
Которая очень хорошо делает своё дело, и т. д.

В этом году он восхитителен. Путешествие в недрах Гран-Пале, вплоть до улицы Ришпанс, в галереях Бернгейма были славным эпизодом жизни нашего великого режиссёра изящных искусств, этого исторического деятеля.

Его окружали со всех сторон, все вокруг него теснились. Один из членов жюри вытащил бонбоньерку, второй – плевательницу, третий – носовой платок. На всём протяжении пути этот добрый самаритянин восклицал: «Я иду напролом как бык!».

Прибыв к Бернгейму, он стремительно направился к восхитительной картине Сезанна, к картине в красных тонах: портрету госпожи Сезанн. Фенеон остановил его, флегматично сообщив ему поразительную новость в двух словах.

Господин Журден направился тогда в сторону пейзажа. Он стремительно метнулся, как сумасшедший, бегом, ведь это полотно Сезанна было не просто картиной, *это был пейзаж*. Франц Журден бросился к нему, он исчез за горизонтом, потому что земля круглая. Молодой человек, нанятый Бернгеймом, он был спортсменом, вскричал: «Он собирается обежать земной шар!».

К счастью, там ничего не было. Показался возвращающийся Франц Журден, красный и задыхающийся. Он возник сначала как совсем маленькая фигура на фоне окружающего пейзажа, и, приближаясь, увеличился в размерах.

Он прибыл, довольно-таки смущённый, вытирая лоб: «Чёрт возьми этого Сезанна! – бормотал он, – Чёрт возьми этого Сезанна!».

Он остановился напротив двух картин, на одной из них были изображены яблоки, а на другой старик:

– Господа, я бросаю вызов тем, кто говорит, что это не восхитительно!

– Я так говорю, месье, – ответил Руо, – эта рука – самая настоящая культя!

И Франц Журден должен был замолчать, потому что это действительно было слабое место картины. Для него ценность картины свелась к вопросу: похожа ли рука на ней на культю или не похожа. Напрасно старался он что-нибудь сказать или что-нибудь сделать, он не смог выйти из сложного положения, связанного с культёй. Но когда на протяжении двадцати лет только и занимались тем, что восхищались Сезанном, нельзя признать, что это делали по какой-то непонятной причине.

Среди дюжины Сезаннов у Бернгейма, была ваза для фруктов, скрученная, перекошенная и кривая. Господин Журден сделал оговорку. Как правило, вазы для фруктов стоят прямее, и лучше выглядят. И господин Бернгейм, с любезностью человека, который посещает самые высокие круги общества империи, взял на себя труд защитить несчастную вазу для фруктов:

– Вероятно, ваза стояла слева от Сезанна. Он смотрел на эту вазу для фруктов под углом.

Встаньте же слева от стола, господин Франц Журден... Как здесь... Теперь, прищурьте глаз... Не правда ли, так картину можно довольно хорошо объяснить? ...Стало быть, ошибки быть не может.

Возвращаясь из недр Гран-Пале, господин Франц Журден размышлял, его сморщенный лоб говорил о заботах, которые его занимали. И, после того, как он хорошо поразмыслил о битвах, которые он выдержал, он сказал с искренностью, которая заставила всплакнуть от умиления всех членов жюри:

– Дюжина Сезаннов у Бернгейма опаснее всего!

Он ещё поразмыслил и добавил:

– Я останусь у Вюяра.

Затем он посмотрел на заходящее солнце, ему показалось, что он видит вдали сверкающие золотом купола *Самаритянина*. Слышали, как он бормочет время от времени: «Дюжина Сезаннов! ...Дюжина Сезаннов!». И господин Франц Журден, культурный человек, подумал о Суетоне.

Припев
(Хор охранников Гран-Пале.)

У него есть эта маленькая ленточка,
Которая очень хорошо делает своё дело, и т. д.

В подвальном этаже Гран-Пале, господин Франц Журден не закончил ещё с Сезанном.
Фамильярно обняв шею Девальера,

Шею, которую не обнимала ни одна рука человека!

он пояснил:

– Вы понимаете, я за свободу искусства, цвета. Также и этот портрет госпожи Сезанн, я считаю, что он изумительный.

В действительности, эта дама была хорошим человеком. Но этот рот, этот рот... Вы думаете, он действительно мог быть таким? Я спрашиваю себя об этом, и я не могу в это поверить... Какого дьявола можно было делать с таким ртом!

... И перед жюри снова прошла вереница картин...

Принесли одну из этих картин, которые служат в качестве рекламы мод в некоторых больших магазинах. Голова из воска, туловища задрапированы настоящей тканью.

Руо громко сказал:

– Модные магазины тоже, стало быть, хотят выставляться в Осеннем салоне в этом году?

Франц Журден, в ответ на это саркастическое замечание, покраснел от ярости и, плюясь слюной в лицо Руо, он изрёк следующие памятные слова:

– Конечно, они выставляются, месье! Я за прогресс, я всегда за прогресс! Когда шляпы будут стоить 25 су, они уже не будут стоить 25 франков, а мы сообщество художников.

И господин Девальер, человек светский и богатый, воскликнул:

– Подумать только! Подумать только! Есть уже шляпы за 25 франков?

«Как это недорого! Я не думал, что есть шляпы, которые стоят меньше 25 луидоров.

И господин Франц Журден заставил вернуть картину, которая уже была принята.

Работа жюри продолжалась вот так, в скрежете зубовном членов жюри. Франц Журден сыпал остротами из духа противоречия:

– Рожа чурбана, – сказал он [об одном портрете], но Руо побледнел, он впал в фанатичную ярость.

Мы скажем несколько резких слов о Мольере. А именно о том, что господин Франц Журден только что заставил выгравировать своё имя на всех колонах *Самаритянина*, новые магазины которого он строил безостановочно. Как и его совершенное подобие, господин Буржуа, Франц Журден любит церемонии. Не для того ли мы живём, чтобы облагородить и принести в жертву связь между одним из своих родственников и дочерью анархиста Вайана, того, которого гильотинировали, хотя и не смогли его убить, организовать искупительный и очистительный праздник, с банкетом и сложным церемониалом?

Тем временем, узнав эту новость, он был ошеломлён. Обывателя в нём это оскорбило:

– Фи! Дочь гильотинированного! Какой скандал!

Но тотчас же проснулся анархист:

– Я доволен, не смотря ни на что. Эта голова привела сюда Х..., а он не буржуа.

И церемония состоялась.

Полные слёз глаза, дрожащий голос и воздетые руки, он благословил своего Х... во имя анархических принципов, после участия в буржуазном банкете.

СЕЗАНН

Нам не нужно говорить об искусстве Сезанна. Однако известно, что господин Франц Журден, под тем предлогом, что этот великий человек не заслужил свою славу, и чтобы не раздражать покупателей своего коммандитиста Янсена, умышленно недостаточно хорошо представил его в Осеннем салоне.

Простодушие Сезанна в том, что касается политики, почти легендарное. Когда Воллар отправился в Экс, чтобы купить картины, его изумило то, что почти все полотна, на которых были изображены дома, имели проколы в виде квадратных отверстий над дымоходами. Он спросил о причине этого.

– Подумаешь! – ответил ему художник, – это дети так развлекаются. Они решили, что если бы у дымохода не было дыры, дым не смог бы из неё выходить.

Сезанн был богат. Он поехал писать с натуры в провинциальном ландо. И это нам показалось довольно забавной чертой времени.

Художник из Экса был скромным. Он охотно обсуждал с профессором план лица в Эксе и нисколько не пренебрегал его советами:

– Не стесняйтесь меня исправлять, – говорил он, – Вы об этом больше меня знаете.

Когда он писал картину, он любил рассказывать истории. Однажды, по случаю первого причастия, он подарил картину виновнице маленького праздника.

Родители ничего не возразили, но неохотно поблагодарили художника. Они нашли картину ужасной. Сезанн украдкой смеялся над их разочарованием.

Несколько дней спустя он встретился с теми же людьми. Его окружила вся семья, его спешили заверить в дружбе, его благодарили, говорили о его гении.

Эти добрые люди за это время навели справки и выяснили, что картина стоит денег.

Иногда говорят о религиозности Сезанна. Вот, на этот счёт, произнесённое им самим высказывание:

– Я попался на удочку иезуитов, моя сестра ходит к обедне, и я тоже.

ВОЛЛАР

Это первый торговец картинами Сезанна и один из лучших в Париже. Он родился в Ла Реюньон, как Леконт де Лиль, господин де Майи и Мариус-Ари Леблон. Его бутик находится в одном из самых потаённых мест. Каждый вечер там собирается весёлая компания.

Он чувствует неловкость, неизвестно по какой причине, за картины, которые он продавал. Он сказал это Герену, говоря о Лефевере, Хеннере и других:

– Как я сожалею о том, что не продевал картин этих господ!

И он добавил на мотив *Ты чувствуешь запах мяты*:

Я продаю всё, что мне предлагают
Лапрада, Марке, Манцана,
Их полотна не цвета роз;
Я предпочёл бы продавать картины Бонна.
Но я торговец, чего Вы хотите, я торговец,
Богатство накапливается на ходу.

Припев для прислуги.

Поставьте на место эти очаровательные картины

Все эти очаровательные картины,
Всё это очарование, воплощённое в картинах,
Сложите их в стопки, сложите их в стопки,
В ка, в ка, в кабинете.

Девальер

В течение сорока лет он с молодыми и, благодаря тому, что он имеет добрую волю, что весьма похвально, он меняет свою манеру письма в соответствии с духом времени. Ему удалось, без каких бы то ни было особых интриг, стать вице-президентом Осеннего салона.

Внук Легуве последовал словам совета, изложенного в виде двенадцатисложного стиха, своего деда:

Падай к ногам того пола, которому ты обязан своей матерью.

Леон Блуа сказал, когда говорил на улице Сент-Марк, 4, где жил Легуве, и где живёт господин Девальер:

– В этом доме остались микробы. Они падают на нашего друга Девальера.

В этом году симпатичный вице-президент затеял хитроумное дело. Он вздумал заставить написать хвалебное слово Осеннему салону в *Гранд ревью* господина Кормона из Института.

– Вы понимаете, – объяснял он одному из наших коллег, – критика Кормона будет корректной. Ему можно будет ответить, используя те же понятия.

«Время привести людей из Института к пониманию действительного движения в искусстве.

«Члены Института являются наиболее авторитетными представителями крупной буржуазии, а буржуазия должна идти во главе интеллектуального движения. Она должна управлять им под угрозой того, что сама придёт в упадок».

Господин Кормон уклонился от этой работы, написав письмо, в котором он проявил большую гибкость, основные идеи которого, в общем, таковы:

«Я не люблю плебс. Я со Христом против Варравы, а народ всегда будет за Варраву и против Христа».

У Девальера есть брат, который известен настолько, чтобы написать: *Шампиньоль вопреки своей воле*. Этот весёлый писатель является также художником и выставляется в Осеннем салоне под разными псевдонимами. Он мог бы довольствоваться тем, чтобы быть писателем водевилей, которым аплодируют. Но нет, у него есть это его пристрастие, живопись и его скрипка Энгра, и лавры его брата не дают ему спокойно спать по ночам.

Несколько времени тому назад он написал письмо, смысл которого, ни много ни мало, сводился к следующему:

«Месье, Вы всего лишь член Института, а я – гениальный человек».

Господин Девальер был очень польщён, потому что он мечтал об Институте, и как человек приличный и любезный, он будет членом Института.

АБЕЛЬ-ТРЮШЕ

Чтобы добраться до персональной выставки Сезанна, нужно миновать картины господина Абеля-Трюше.

Этой фразой всё сказано о характере работ этого художника.

В былые времена его имя было первым в каталоге картин, и чтобы добиться такого результата, господин Трюше придумал изошрённую уловку: дефис.

В этом году, эта хитрость не сработала, потому что художник по имени Аарон прислал свои работы, и они были приняты жюри.

В каталоге господин Абель-Трюше всего лишь второй.

Абель-Трюше обладает замечательными способностями торговца. Если он организует выставку, он там каждый день, чтобы наблюдать, куда подует ветер, и он хлопчет о том, чтобы выставлять маленькие полотна по умеренным ценам, от 50 до 60 франков, предназначенные для любителей живописи без денег.

В Осеннем салоне Вы увидите его перед своими картинами, распространяющего проспекты и свои визитные карточки.

Самое большое его достоинство, он этого не скрывает, заключается в его искренности.

– Франц Журден, – говорит он, – обращается со мной как с тухлой рыбой, потому что я не люблю Сезанна. Я его не люблю, это понятно, но он его не любит ещё больше, чем я. Я, по крайней мере, откровенен. Он говорит, что любит его, а я этого не говорю.

МАТИСС

Фовист из фовистов. Его работы не осмелились не принять. Жюри высказалось по поводу этих картин. Они были приняты. Голоса были получены. Между тем, господин Франц Журден вспоминал о миссии, доверенной ему господином Жансеном, антрепренёром Осеннего салона и знакомым торговцем декоративными тканями.

Господин Янсен не любит ни Сезанна, ни Матисса, ни всю ту живопись, которая превосходит своей новизной живопись господина Абеля-Трюше.

Именно для защиты своего хорошего вкуса торговца декоративными тканями, господин Жансен направил в жюри господина Франца Журдена, который неплохо выполнил доверенную ему миссию.

Стало быть, картины господина Анри Матисса были приняты. Господин Франц Журден встал и вернул *Причёмсывающуюся женщину*, самое большое из полотен, присланных Матиссом.

– Господа, – сказал Франц Журден, – я требую, чтобы в интересах Осеннего салона и в интересах самого Матисса это полотно не принимали.

Девальер стал протестовать как светский человек:

– Мы по-дружески смотрим на полотно нашего друга Матисса. Действительно, оно содержит то, что глаза, неискушённые в живописи, могут счесть возмутительным. Тем не менее, голоса собраны, и было бы правильно соблюдать регламент.

Руо, со своей стороны, протестует менее доброжелательно. Он также ссылается на знаменитый регламент. Он впадает в ярость и жестикულიрует перед президентом, который железной хваткой держит его за шею и трясёт как фруктовое дерево.

– Мне наплевать на регламент, – закричал Франц Журден, – в то время как Руо становится фиолетового цвета в своём исступлении, – Мне на него наплевать, Вы меня понимаете. Мне прекрасно известно, что фовисты меня сожрут, но мне на это наплевать...

И он так и не уступил. Когда несчастный Руо, опустившийся в бессилии на стул, переводил дух, провели повторное голосование и отказались принять *Причёмсывающуюся женщину* Матисса.

ПЬЕТ

Некоторые из его друзей называют его: Солейян Осеннего салона. Но это прозвище едва ли заслужено. Говорят, ему идёт то, что его язык недостаточно чистый. К примеру, он не может спать в своём жилище на улице Рошешуарт из-за шума, производимого водопроводчиками, и Пьет произносит двадцать проклятий вперемежку с сорока ругательствами.

Как, по-вашему, в этих обстоятельствах, не сойти за сатира?

ОТОН ФРИЕЗ

Директор школы в Гавре. У него есть друг, в приступах ярости с удовольствием рвущий его картины и в совершенстве владеющий японским.

Картины Фриеза были бы отвергнуты, если бы господин Девальер не встал со своего места и не сказал бы:

– Я требую снисхождения к картинам нашего друга Фриеза, он восхитителен не только как художник, но и как человек. У него есть друг, в приступах ярости с удовольствием рвущий его картины и в совершенстве владеющий японским.

Вот так его картины были приняты.

ВАЛЛОТТОН

Он выставляет шесть картин, среди которых портрет *Мадмуазель Стайн*, этой американки, которая, вместе со своими братьями и частью своих родственников, является самым неожиданным меценатом нашего времени.

Их обнажённые ноги обуты в дельфические сандалии,
Они поднимают к небу свои учёные лбы.

Их сандалии иногда вводят в заблуждение трактирщиков и владельцев кафе.

Когда эти миллионеры хотят выпить прохладительный напиток на террасе одного из бульварных кафе, официанты отказываются их обслуживать, вежливо давая им понять, что они подадут только слишком дорогие напитки людям в сандалиях.

Дождаясь, они подтрунивают над этим и продолжают спокойно накапливать свой эстетический опыт.

Господин Валлоттон, и мы сожалеем об этом, не представил на выставку портрет одной швейцарки, протестантской знатной дамы, которая, когда позировала, хотела совсем снять свою вставную челюсть:

– Нечестно писать мои зубы. В действительности, у меня их нет. Те, что у меня во рту, фальшивые, а я думаю, что художник не должен изображать ненастоящее.

ГРОПЕАНО

– Вот ты где, большой Плейель! – сказал ему Трюше.

Это иностранный делегат Осеннего салона.

Кстати, мы не смогли получить никакой информации ни о самих его полномочиях, ни о том, как он их исполняет.

Говоря о Гропеано, Трюше неиссякаем.

– Румыны, – говорит он, – рождаются с мешочком с деньгами или со скрипкой, но у них всегда есть конец того и начало другого.

В этом году господин Гропеано выставляет *Портрет С. М. Кармен Сильвы, держащей в руках машину для письма для молодых слепых, сделанную в королевском дворце в Бухаресте*.

Картина наводит страх, она в голубых тонах, у королевы белые волосы, и говорят, что она сама слепая.

(Я всё сказал, 12 октября.)

Множество метаграмм иллюстрировали и оживляли наш предыдущий фельетон. Хвала Вышнему! типографии сделали значительный прогресс в тонком искусстве опечаток. Эрдом уже довёл это искусство до довольно-таки высокого уровня. Он хотел бы, чтобы опечатки были непристойными и богохульными. По нашему мнению, достаточно того, чтобы они были живописными. Потому что мы не попрощались с Осенним салоном.

РУССО ТАМОЖЕННИК

Этот славный малый прислал несколько картин.

Жюри их приняло. Но господин Франц Журден, несомненно, упустивший это голосование, повесил эти картины в отделении Салона, посвящённого декоративному искусству, а затем, вынув из своих карманов несколько отрезков кумача, которые он постоянно носит с собой вместо носовых платков, сделал из них импровизированную ширму перед картинами, чтобы совершенно прикрыть и спрятать картины таможенника.

Этот странный поступок был покрыт тайной.

Руссо это обстоятельство обнаружил случайно.

В день вернисажа старик горевал.

– Чего они от меня добиваются, – говорил он. – Я же ничего плохого никому не сделал. Если они не хотели принимать мои картины, почему они мне не отказали? Эти господа из жюри были вольны мне отказать.

В этот момент, окружённый толпой обожателей из Бельгии, прошёл мимо господин Франц Журден. Старому Руссо сделалось дурно. Он пошатнулся. Его поддержали. И, придя в себя:

– Это он, – закричал старик, – этот господин.

– О ком Вы говорите, – сказали ему, – Вы только что видели, как мимо прошёл Ваш президент, господин Франц Журден.

– Возможно ли это? – пробормотал старый таможенный чиновник, затем он рассказал нам следующую трогательную историю:

Тридцать лет тому назад на границе,
Я арестовал контрабандиста.
Я оштрафовал контрабандиста;
Затем, когда я стал бригадиром,

Одним вечером, в десятичасовом поезде,
У хорошо одетого человека,
Путешествовавшего с пропуском,
Я нашупал на спине нечто вроде горбов.

О далёкие времена! Далёкие вокзалы,
Плохо освещённые газовыми светильниками!
Этот господин перевозил на себе четыре тысячи сигар.
Я ему предъявил протокол.
Прошло время. Имена: Гоген, Сезанн,
Манили меня. Ради их искусства, я решил оставить таможду.

И, нося это прозвище: таможенник,
Я не последний из художников.
Но вот, в моей памяти, окно,

Оно открыто. Я только что узнал
Давнего путешественника, гордого, оттого, что он смог мне
отомстить,
Потому что по моей вине он плохо путешествовал.

Долго мы жалели несчастного Руссо, констатируя огромные различия, существующие между таможенной и изобразительным искусством, и мы посмотрели картину *Золя* этого господина.

ЖОЗЕ ДЕ ШАРМУА

Этот скульптор потрудился выгравировать на монументальном лбу мыслителя, черты которого он увековечил, нотный стан, на котором господин Брюно собирается написать несколько музыкальных нот. Исполнение слов, написанных на эту мелодию, первоначально было доверено нашему другу Андре Сальмону.

Это рондо, первые строки которого таковы:

У Де Шармуа один единственный недостаток,
Он слишком любит скульптуру.

Но, не говоря о том, что налицо неправильное употребление частицы в имени, говорящей о дворянском происхождении её обладателя, господин Брюно предпочёл положить на музыку простую прозу. По правде сказать, господин де Тирам предложил маленькую поправку:

У этого Шармуа один единственный недостаток,
Он слишком любит скульптуру.

Господин Брюно хотел прозы любой ценой. Новый текст он держал в тайне.

Работа господина де Шармуа, впрочем, была принята не без труда. Жюри было расположено отвергнуть этот макет (*mouquette, sic*). Именно господин Франц Журден, с помощью нескольких взволнованных слов, оборвал колебания:

– Подобаает, – сказал он, – принять этот гигантский бюст, не из-за личности скульптора, но как дань уважения к Золя. Выставление этого памятника не есть вопрос изобразительного искусства, это общественно значимое дело.

ДЕ ВЛАМИНК

Мы узнали, что господин де Вламинк был сторонником господина Франца Журдена.

Это нас нисколько не удивило.

Когда узнают, что этот художник кичится частицей своего имени, указывающей на дворянское происхождение, и при этом никакого отношения к дворянству он не имеет, улыбнется. Фактически, это *de*, в данном случае, просто артикль, и имя Де Вламинк означает просто: голландец.

Господин де Вламинк, из личной симпатии и, в особенности, скажем без околичностей, из интереса, взял на себя опасную задачу убить нас.

Одетый в каучуковый костюм и вооружённый галстуком, он следует за нами повсюду, выжидая момента, когда он сможет предательски нанести нам смертельный удар своим хорватским инструментом.

Менее прославленные, чем господина Ле Баржи, галстуки господина де Вламинка ещё интереснее. Целиком сделанные из дерева и покрашенные грубыми красками, они могли бы пригодиться для разных применений.

Господин де Вламинк, если он находится в пивной и хочет подозвать официанта, отделяет свой галстук от гвоздя, приделанного к вороту его рубашки, и много раз звонко стучит им по столу.

Если он хочет, когда он находится в компании, организовать танцы, его галстук, позади которого натянуты несколько струн из кошачьих кишок, служит ему в качестве кармана или маленькой скрипки, которую любили учителя танцев прошлого.

По правде сказать, у него нет смычка, и, чаще всего, он использует свой галстук как мандолину, мандолу или гитару.

Он служит ему также в качестве оборонительного оружия, которое, в случае чего, может стать опасным.

БРИНДО ДЕ ЖАРНИ

Мы обнаружили в залах Осеннего салона двух художников с таким именем.

Один из них, имя которому Клод, выставляет, помимо нескольких картин, выполненных с очень деликатным чувством, зеркало, которое, мы охотно соглашаемся с этим, носит драгоценное имя Советника грации.

Другой, Поль Луи, вырезал несколько пряжек от ремней, которыми так восхищался адмирал Бьенэме, в день вернисажа, принимая их, несомненно, за серьги, которые обычно носят моряки.

ЖОРЖ БРАК

Отвергли почти всё, что он прислал. Здесь только одна его картина. Но он утешается, перенося эти выставочные неудачи на побережье Франции. На чердаке дома, служащего ему приютом, хранится множество старых книг, и Жорж Брак читает в этот момент хорошие работы разносторонних авторов 16-го века.

Этот художник-гуманист подорвал своё здоровье, неумеренно кашляя во время курения трубки. Немошному и тщедушному, ему следовало бы помнить о необходимости принимать там с начала ноября до начала весны, маленькими стаканчиками и ежедневно, несколько литров масла печени трески.

(Я всё сказал, 19 октября.)

Дело Мориса де Вламinka

Осенний салон закрыт. Мы охотно прекратили бы его освещать, но эти господа из руководства комитета представили нам такие доказательства своего скудоумия, что нам представляется необходимым ещё раз, ради них, привлечь к нему внимание публики.

Их неразумие может сравниться только с их плохим образованием.

Так, например, на одном из их секретных собраний, они назвали новых членов своего общества.

Господин Морис де Вламinka был в числе этих счастливых избранных. Следующее письмо уведомляло о его номинации:

ОБЩЕСТВО
ОСЕННЕГО САЛОНА
Гран-Пале
Елисейские поля.

Париж, 18 октября 1907.

Господин ...,

Я имею честь проинформировать Вас о том, что члены-основатели назначили Вас членом общества на собрании от 16 октября 1907 года.

Будьте любезны, ответьте нам, если возможно, безотлагательно, согласны ли Вы стать членом Общества.

Прошу Вас, господин ..., принять уверения в нашем искреннем уважении к Вам.

Главный секретарь:

Поль КОРНЮ

Авторизовано:

Президентом

Францом ЖУРДЕНОМ

Господину Морису де Вламинку.

В то же самое время было сделано заявление для прессы. *Фигаро* и другие журналы опубликовали это назначение.

Господин Морис де Вламinka написал президенту Осеннего салона, чтобы уведомить его о принятии им назначения членом общества, когда ему неожиданно пришло другое письмо. Вот его содержание:

ОБЩЕСТВО
ОСЕННЕГО САЛОНА
Гран-Пале
Елисейские поля,
Главный секретариат,
11, бульвар де Клиши, 11
(IX приб.)

21 октября 1907.

Месье,

Вы, должно быть, получили письмо, касающееся назначения новых членов общества. Это письмо было Вам послано по ошибке, и мы просим Вас считать, что оно к Вам не приходило.

Примите, Месье, уверения в нашем искреннем уважении к Вам.

Главный секретарь:

Поль КОРНЮ

Президент

Франц ЖУРДЕН

Что могло произойти между 18 и 21 октября? Господин де Вламинк спросил себя об этом, и об этом же он спросил президента Осеннего салона следующим письмом:

Рюэй, 23 октября 1907.

Господин президент,

Я получил 18 октября письмо, в котором содержалось уведомление о моём назначении членом общества Осеннего салона. Я ответил, что принимаю это назначение. Однако 21 октября я получил второе письмо, в котором сообщалось, что первое письмо аннулировано. Всё это без объяснений... Разве так делается?

Вы изумляете меня, господин президент, и все члены руководства обществом также допускают и подтверждают своим поведением совершенное незнание правил хорошего тона.

Что бы Вы сказали, господин президент, если бы, после того, как Вас пригласили на должность президента, Вам объявили бы, что на Ваш счёт ошиблись?

Ввиду бесцеремонности, с которой со мной обращаются, я спрашиваю Вас, господин президент, почему я был избран членом общества и почему я был впоследствии изгнан как недостойный этого членства.

Свидетельство о добропорядочности и хороших манерах прилагается.

Морис де ВЛАМИНК.

20, авеню Виктор-Гюго,

Рюэй (С.-и-О.).

Совершенно понятно, что никакой ошибки не было. Другие художники, господа Камуан и Манцана, получили подобные письма. Случай господина де Вламинка не единичный.

И, тем не менее, комитет не состоит исключительно из хулиганов. Там есть светские люди. Как господа Девальер, Детома допускают такую невежливость со стороны комитета, частью которого они являются?

(Я всё сказал, 26 октября).

1908

Салон Независимых

**ФЕЛИКС ВАЛЛОТТОН. – АНДРЕ ДЕРЕН. – ЖОРЖ БРАК. –
ФРИЕЗ-ОТОН. – АЛЬБЕР МАРКЕ. – МОРИС ДЕ ВЛАМИНК. –
МАРИ ЛОРАНСЕН. – КЕЕС ВАН ДОНГЕН. – ЖАН ПЮИ. –
АНРИ МАНГЕН. – РАУЛЬ ДЮФИ. – ПЬЕР ЖИРЬЁ. – ШАРЛЬ
КАМУАН. – АНРИ РУССО. – ЖОРЖ РУО. – РЕНЕ ПРАТ. –
ЭДВАРД ДИРИКС. – ТРИСТАН КЛИНГЗОР. – ПАТЕРН
БЕРРИШОН. – ЖАН ДЕВИЛЛЬ. – ФРАНСИС ЖУРДЕН. –
ЖОРЖ-ЛЕОН ДЮФРЕНУА. – ШАРЛЬ ГЕРЕН. – ПЬЕР ЛАПРАД**

Насколько возможно меньше шума делали вокруг этой 24-той *Выставки независимых художников*. Критики искусства имели причины, чтобы подчиняться слову приказа, исходящему неведомо из каких тайных мест.

Какой это должен быть мир с теми, кто там всем заправляет!

Между тем, молчание хранили не слишком хорошо, утечка информации о работах, успех которых невозможно было утаить, несмотря на то, что критики хранили, по-видимому, вынужденное молчание, всё же произошла.

Господин Октав Мирбо сообщает в *La 628 E8*, как высоко ценят в Германии господина Валлоттона.

Какой француз может возразить, что в Париже пренебрегли талантом и методом этого художника? Несомненно, время исправит эту несправедливость.

Во Франции слишком не доверяют вкусу иностранцев. Должны, казалось бы, считать, что иностранец, находящийся вне парижских клик, не подверженный влиянию критики, которая часто бывает подневольной и редко непредвзятой, естественным образом обратится к самым важным достижениям, к работам, красота которых ему показалась самой новой и наименее спорной. И, самое главное, иностранец свободно направляется к картинам, посыл которых ему показался наиболее возвышенным и самым выразительным. Он идёт к тому, чего нет в его стране, и неожиданные работы он созерцает только с чувством любви. За границей есть портретисты, пейзажисты и так далее, но одна только Франция производит в настоящее время образцы того честного, здорового и великолепного искусства, которое развивается, удивляя мир, и которое станет славой XX века.

Заграницей нет художника, могущего сравниться с Феликсом Валлоттоном, и если есть такой художник во Франции, видение мира которого было бы более возвышенным, нет такого, выразительные средства которого были бы более точными. *Женщины в купальне*, выставляемые в этом году, есть иллюстрация того, что я здесь утверждаю.

Тем не менее, можно сожалеть о том, что этот художник, кажется, подошёл к пределу своих способностей. Можно опасаться, что впредь удовлетворённость, испытываемая господином Валлоттоном от своих работ, не будет на том же уровне, что у публики из элиты, которая им восхищается.

Пусть господин Валлоттон не доверяет, в особенности, иностранцам! Потому что, если критика должна была принимать в расчёт вкусы в других странах и искать их объяснения, я

думаю, что художника это не должно заботить, он должен подчиняться соображениям более высокого порядка.

Соображения, по которым господин Андре Дерен занимается творчеством, дают ему меру для оценки совершенства своих работ. Можно было бы сосчитать картины, о которых можно было бы с определённой что-либо в этом смысле утверждать.

И не нужно больше говорить об абстракции. Живопись самое что ни на есть конкретное искусство.

Вот, реализованное в возвышенном, одно из самых чистых вдохновений этого времени. Художественное достижение Дерена не расточает себя на то, чтобы быть ярким, линейным или объёмным. Его пластическая искренность обнаруживается по-другому: в этом ужасающем спокойствии, с которым он бесстрастно выражает себя в своих работах, сообразно своим сильным чувствам.

Туалет, Портрет и Пейзаж с кипарисами примеры этой благородной дисциплины, делающей реальность рафинированной и «придающей природе аутентичность» (Малларме).

Большая композиция господина Джорджа Брака кажется мне самым новым художественным достижением этого Салона. Конечно, путь, пройденный художником со времени создания картины *Ложбина*, исполненной нежности, до его новой композиции, значительный. И, тем не менее, эти картины были написаны с интервалом шесть месяцев.

Не нужно задерживаться на всём, из чего складывается экспрессия этой картины, но должно осознать, что господин Брак реализовал, с неослабевающим усилием, свою волю к построению композиции.

Искусство построения композиции ставит перед художником множество ещё не решённых задач. Господин Брак смело берётся за решение нескольких из них. Это всего лишь бурный этап горделивого восхождения художника, которое в скором времени, несомненно, окажется менее беспокойным.

Большая картина господина Фриеза-Отоня, *Осенняя работа*, принесла самую большую славу Салону в этом году, что приводит меня в большое замешательство.

В течение некоторого времени ощущалось, что господин Фриез изменился. И если кажется, что он восстановил всё своё спокойствие, нет сомнений в том, что этого не произошло бы, если бы не достойные сожаления сделки с совестью.

Усилие здесь ретроградное.

Не разбогатев во время своих творческих поисков, господин Фриез внезапно прервал их, чтобы напыщенно выставить напоказ свои познания в области живописи, все свои познания, а они не все одинаково хорошего качества. Его картина, помимо этого, изобилует несоответствиями. И, тем не менее, художники, настолько одарённые, как господин Фриез, редки.

В его работе мало глубины. Он представляет нам одним произведением живописи огромных размеров множество живописных произведений, неестественно соединённых друг с другом. И это неуравновешенное расположение отдельных фрагментов картины, помимо всего прочего, подчёркивает поверхностный характер композиции.

Без сомнения, господин Фриез находит резоны для такого подхода в намерении никоим образом не раздробить впечатления, производимого картиной, отдельными её фрагментами. Говорили, что он хотел сделать обобщение, чтобы вывести заключение. Но, по необходимости, это художественное достижение, каким бы значительным оно ни было, не становится от этого менее скороспелым, и оно исключает, из-за кропотливости, которой потребовала эта работа, всякий восторг и всякий героизм.

Этюды господина Марке имеют абсолютно все качества, уже отмечавшиеся у этого художника. Талант господина Марке, по моему мнению, больше, чем он сам думает. И в этой скромности есть некоторая доля смущения. Оно заставляет его, некоторым образом, повторяться, из страха впасть в заблуждение.

У господина де Вламинка чувство радости фламандское. Картина для него как ярмарка с гуляньем. Всё у него смеётся. Теперь в нём открыли вкус к экзотическому, приобретённый им, по-видимому, в неких балаганах ярмарочных праздников. Это пикантно.

Де Вламинк недолго блуждал, прежде чем найти свой путь. Богатство его дарований проявлено. Он щедро их расточает. Его любопытство никогда не бывает удовлетворённым. И современная живопись обязана его искренности и его восхищению несколькими новаторскими приёмами, которые она, не медля, стала выгодно использовать, и будущее которых будет вознаграждающим.

Я не нахожу слов, чтобы определить совершенно французское очарование мадмуазель Мари Лорансен. Не имея ни одного мужского несовершенства, она одарена самым большим из возможных количеством женских качеств. Потому что, не правда ли, самая большая ошибка большинства женщин-художниц: они хотят превзойти мужчин, и в этой попытке они теряют свой вкус и свою грацию.

Ничего подобного нет в работах мадмуазель Лорансен. У неё есть понимание глубоких различий, которые существуют между мужчиной и женщиной: это различие изначальное, различие идеальное. Личность мадмуазель Лорансен вибрирует весельем. Рафинированность – это в её компетенции, и в этой области она свободно эволюционирует.

Женщины создали очень много мифов и очень много божеств, которые не относятся к эвгемеризму. *Диана на охоте, Аллегория, Артемис*, увлажнённые счастливыми слезами, являются нежными выражениями этой склонности женского разума к детскому и сказочному.

Господин Ван Донген брутально демонстрирует свои огромные аппетиты. Он доволен собою в (окружающем его) смятении, и, кажется, он выражает свои политические убеждения. Это не горечь Мультипули, это, скорее, горячность Фердинанда Домела Ньювенхуиса.

Господин Ван Донген переносит нас к гигантам, разрешающим социальные проблемы с помощью бесстыдства. Он всегда оставляет у нас тяжёлое впечатление. Он бесчестит свои самые благородные и самые прекрасные краски, тратя их на постыдные стороны городской жизни, как ему на это указывают за границей.

Пребывание в Париже не идёт на пользу господину Ван Донгену.

У господина Пюи есть непринуждённость, гармоничная беспечность, утомлённость, несколько не надоедающая. *Беспечная красавица* и *Этюд с обнажённой на солнце* содержат весьма сладострастные детали в своих объёмах.

Господин Манген стремится, прежде всего, к корректности. Следует похвалить его за то, что он позволяет своему инстинкту себя вести. И если в нём не находят вызывающей удивление оригинальности, в нём обнаруживают, по крайней мере, очень просвещённый талант, желающий нравиться и нравящийся.

Господин Синьяк стал мастером слишком особого искусства, что меня в нём очаровывает. Он сознательно ограничил свои выразительные средства. И, к сожалению, не слишком одарённый чувствительностью, казалось бы, необходимой в данном случае, он достиг, с помощью силы воли и работы, того, чтобы заменить её наблюдением. Это мастер.

Не думаю, чтобы господин Дюфи уже был удовлетворён своими рисунками. Его забота о том, чтобы достичь цели на этом пути, заметна, и можно только поздравить его с этим. Неуверенность господина Дюфи делает ему честь. Мы его скоро обнаружим совершенно трансформировавшимся.

Господин Жирьё имеет не понятно какие намерения. Я спрашиваю себя, не являются ли его картины следствием полученного им плохого совета.

Честное искусство господина Камуана довольно-таки хорошо представлено в Салоне независимых. Но этот художник, кажется, отказался от всякого усилия, от всяких поисков, и я делаю это замечание с чувством сожаления.

Выставка господина Руссо одновременно трогательная и забавная. Этот самоучка имеет врождённый талант художника, который невозможно отрицать, и Гоген восхищался, по-видимому, чернокожими, которых писал Руссо. Но, с другой стороны, Таможеннику слишком недостаёт общей культуры. Нельзя поддаваться его непосредственности. Слишком сильно ощущается, что в ней много случайного и даже смешного.

Анри Руссо не знает ни чего он хочет, ни куда он идёт. Как Альфред Пуссен, незначительный эмигрировавший поэт, Руссо мог бы взмолиться:

Сеньор! просветите мою мысль,
И дайте цель моим шагам.
У каждого есть свой намеченный путь,
У меня его нет.

И раздражает спокойствие Руссо. У него нет никакого любопытства, он доволен собой, но без гордости. Руссо не следовало становиться художником.

Господин Руо седеет, седеет... Это преждевременная старость? Казалось, что господин Руо прежде всего католик. Здесь присутствуют совершенно все декоративные мотивы завсегда-тая конгрегации в защиту вероучения. Светлая или мрачная, живопись господина Руо всегда, по-видимому, предназначена для украшения рабочего кабинета господина аббата Турментена.

Господин Рене Прат по-дилетантски пробует на вкус внешний облик вещей. Он не переводит, используя живописные средства, формы и краски, но, некоторым образом, переносит их на холст. Его сознание не позволяет ему удалиться от самой непосредственной реальности. И никто не может хотеть этого от него, поскольку его дарование живописца идеализирует, помимо его воли, только формы, в гораздо меньшей степени цвета.

Господин Дирикс с неизменным юношеским пылом и неоспоримым мастерством остаётся тем, кого очень справедливо называют: «Художник ветра».

Его искренность исключает всякую претенциозность, и его сила позволяет ему обуздывать ураганы.

Господин Тристан Клигзор оживляет свою живопись сентиментальной нежностью, приносящей столько очарования в его немного искусственную и старомодную поэзию. Но, что касается меня, мне гораздо больше нравится в нём поэт, а не художник.

Господин Патерн Берришон показывает дарования очень конкретные. Чувствуется в его картинах нечто вроде скрытой внутри доброты, которая делает их очень симпатичными.

У господина Жана Девиля есть ожесточённость и убеждённость. Его попытки иногда счастливые, и даже его несостоятельность никогда не вызывает презрения.

Уважение, которое оказывают господину Франсису Журдену, оправдывает себя благодаря проявляемым им качествам. Его планка совсем не так высока, как можно было бы ожидать от художника его возраста и его таланта, но невозможно оставаться безразличными перед его картинами *Порты, Залив Сен-Тропе, Поля, Вечер*.

Основательность является характеристикой таланта господина Дюфенруа, у которого есть множество последователей. Всё-таки этот художник удовлетворяет нас больше, чем он нас возмущает. Одним словом, негативный талант. Мы охотно пожелали бы господину Дюфенруа несколько раз ошибиться.

Господин Шарль Герен имеет блистательные качества живописца и задатки литератора. Из этого следуют изъяды, не лишённые приятности.

Господин Лапрад является в полной мере человеком своего времени; также и его искусство является преходящим, как всё, что не опирается ни на глубокое знание прошлого, ни на божественное предвидение будущего.

В целом, Салон независимых 1908 года столь же интересный, как и Салоны прошлых лет. Он содержит меньше новаторских работ, но тенденции лучше обозначены, утверждаются различия между художниками, направления лучше показывают цели, которые ставят перед собой молодые мыслители изобразительного искусства.

Этот Салон уже в прошлом. И, если действительно, как я думаю, несколько художников показали больше, чем только стремление к прекрасному, то тогда, наверное, бесполезно будет вспомнить здесь эту фразу Малларме, прекрасной благодаря содержащейся в ней надежде: «... Я не вижу исчезновения чего-либо, что было прекрасным в прошлом».

(Обзор литературы и искусства, 1^е мая.)

Три добродетели изобразительного искусства

Добродетели изобразительного искусства: чистота, единство и истинность попирают своими ногами покорённую природу.

Тщетно волнуются сезоны, толпы единодушно стремятся к одинаковой смерти, наука разделяет на части то, что существует в реальном мире, и снова эти части соединяет, миры навсегда удаляются от нашего восприятия, наши изменчивые образы повторяются и воскрешают свою бессознательность, и цвета, запахи, шумы изумляют нас, а затем исчезают из природы.

Это чудовище, называемое прекрасным, не вечно.

Мы знаем, что у нашего дыхания не было начала, и оно никогда не прекратится, но мы постигаем, прежде всего, творение и конец мира.

Между тем, слишком много художников и, в особенности, живописцев всё ещё обожают растения, камни, тень или людей.

Мы быстро привыкаем к порабощённости тайной. И это рабство заканчивается созданием приятного досуга.

Мы оставляем рабочим покорять вселенную и у садовников меньше уважения к природе, чем у художников.

Время становится хозяевами. Добрая воля ничуть не гарантирует победы.

По эту сторону вселенной пляшут подверженные смерти формы любви, и название природы подытоживает их проклятый порядок.

Пламя есть символ живописи и три добродетели изобразительного искусства пылают, испуская свет.

Чистота имеет огонь, нисколько не страдающий на чужбине, и жестоко трансформирует в самой себя то, чего она касается.

У неё есть это восхитительное единство, состоящее в том, что если мы отделим от неё каждый язык пламени, они все будут похожи на единый огонь.

У неё есть, наконец, возвышенная истинность своего света, которую никто не сможет отрицать.

Доблестные художники этой западной эпохи считают свою чистоту противостоящей силам природы.

Она есть забытье после этюда. И чтобы умер обладающий чистотой художник нужно, чтобы не было всех этих прошедших веков.

Живопись на западе очищается в присутствии этой идеальной логики, переданной художники прошлого художникам будущего, как если бы они дали им жизнь.

И это всё.

Невозможно повсюду носить за собой тело своего умершего отца. Его оставляют в компании с другими умершими. И о нем вспоминают, о нём сожалеют, о нём говорят с восхищением. И, если становишься отцом, не нужно надеяться на то, что кто-нибудь из детей захочет стать твоим двойником во имя жизни твоего трупа.

Но наши ноги тщетно пытаются оторваться от почвы, хранящей в себе мёртвых.

Уважать чистоту значит крестить инстинкт, гуманизировать искусство и обожествить личность.

Корень, ствол и цветок лилии являют собой прогрессирование чистоты вплоть до символического цветения.

Все части растения равны перед светом, и разные варианты теней есть следствие этой силы света, созидающей по своей прихоти.

Нам не известны все цвета, и каждый человек изобретает их заново.

Но художник должен, прежде всего, создать спектакль собственной своей божественности, и картины, которыми он предлагает восхищаться людям, сообщают им славу монументально подвергать испытанию также и свою собственную божественность.

Для этого необходимо охватить одним взглядом: прошлое, настоящее и будущее.

Полотно должно представлять это сущностное единство, только оно производит экстаз.

Итак, ничто преходящее не будет следствием случая. Мы не вернёмся внезапно назад. Свободные зрители ни в коем случае не уйдут из нашей жизни, потому что мы любопытны. Контрабандисты, торгующие солью нашего сознания, не преправят обманном путём наши соляные столпы через таможенный контроль разума.

Мы вовсе не будем скитаться в неизвестном будущем, которое, отделённое от вечности, есть всего лишь слово, предназначенное для того, чтобы соблазнять человека.

Мы не исчерпаем себя, схватывая слишком мимолётное настоящее, могущее быть для художника всего лишь маской смерти: миром.

Картина неизбежно будет существовать. Видение будет цельным, полным и его бесконечность, вместо того, чтобы отметить несовершенство, только подчеркнёт сходство нового творения и нового творца, но и не более того. Без этого не будет никакого единства, и сходства, которые будут иметь разные точки полотна с разными духами, с разными предметами, с разным светом, укажут только лишь на множество негармоничных несоответствий.

Поэтому, если могло бы быть бесконечное число творений, каждое из которых свидетельствовало бы о своём творце, без того, чтобы каждое из творений загромождало пространство тех, что существуют одновременно с ним, невозможно было бы мыслить о них одновременно, и смерть проистекает из их последовательного сочетания, из их смешения, из их любви.

Каждое божество создано по своему образу и подобию, как и художник. И только фотографии копируют природу.

Чистота и единство не берутся в расчёт без истинности, которую нельзя сравнивать с реальностью, поскольку она одна и та же, вне всяких природ, которые силятся нас удержать в фатальном порядке вещей, где мы не более чем животные.

Художники, прежде всего, – это люди, желающие стать бесчеловечными.

Они мучительно ищут следы бесчеловечности, следы, не встречающиеся нигде в природе.

Они есть истинность, и вне их мы не распознаём никакой реальности.

Но мы никогда не открываем реальность раз навсегда. Истинность всегда будет новой.

Собственно, в противном случае, она есть ни что иное как естественная и самая убогая система, каковой является природа.

В этом случае, жалкая истинность, более далёкая, менее различимая, менее реальная, каждый день сводила бы живопись к состоянию пластического письма, предназначенного только для облегчения отношений людей, принадлежащих к одному племени.

До наших дней быстро находили механизм для воспроизводства таких знаков, не рассуждая об этом.

(Каталог III Выставки «Кружка современного искусства» в отеле города Гавра, июнь).

Жорж Брак

Совсем немного времени тому назад, художественные достижения, которые делало некоторое число художников, чтобы обновить изобразительное искусство, были мишенью для насмешек не только публики, но и всей критики. Сегодня шутки прекратились; никто больше не осмеливается поднять на смех эти восхитительные работы без того, чтобы одновременно не пойти в наступление на порядок и гармонию, на грацию и на чувство меры, на эти качества, без которых совсем не было бы искусства, но была бы яростная буря различных темпераментов, более или менее благородных, пытающихся лихорадочно, поспешно, неразумно выразить своё восхищение природой. В этих чертах мы распознаём импрессионизм. Это название было выбрано удачно; речь шла о людях, действительно «находящихся под впечатлением» перед небом, перед деревьями, перед жизнью при разном свете. Это ослеплённость ночных птиц от света дня, и это также смятение первобытных людей, ошеломлённых дикарей перед сверканием звезды, перед величием стихии. Ни тем, ни другим, всё-таки, никогда не пришлось бы в голову видеть в своих потрясениях непосредственно художественную эмоцию. Чувствуя, что она происходит, прежде всего, из религиозных переживаний, они культивировали её, выверяли её, применяли её, воздвигая затем свои гигантские монументы, выводя стиль их декора, создавая в качестве подобия, как сам Бог, экспрессивные образы своих представлений о вселенной. Впрочем, импрессионизм был ничем иным как мгновением в изобразительном искусстве, исполненном, единственно и скудно, религиозности. Отдельно от нескольких мастеров, великолепно одарённых, уверенных в себе, мы видим толпу последователей, неофитов, демонстрирующих своими картинами, что они обожают свет, что они находятся в непосредственном общении с ним, и они это доказывали тем, что ни в коем случае не смешивали цвета, так что было достаточно размазать по холсту краски, чтобы стать художником, так становятся христианами после крещения: для этого не нужно согласия того, кто крестится. И было достаточно, чтобы у тебя не было вкуса, необходимого для достижения мастерства. Я уже не говорю о тех импровизированных художниках, всех возрастов, не получивших предварительно надлежащего образования, ставших художниками для получения наживы, потому что её легко было получить в искусстве, где правил случай. Невежество и буйство, вот что характеризует импрессионизм. И, говоря о невежестве, я имею ввиду, в большинстве случаев, полное отсутствие культуры; поскольку, что касается науки, её втискивали повсюду, к месту и не к месту; себя к ней причисляли; сам Эпикур был в основании системы, о которой идёт речь, и теории физиков того времени показывали достоинства самых жалких импровизаций.

Но это время прошло. Эти абсурдные живописные пробы уже присоединились в музеях к шедеврам и к не шедеврам, сваленным там в одну беспорядочную кучу. Сейчас есть место для искусства более благородного, более размеренного, лучше упорядоченного, более культивированного. Будущее покажет, какую часть влияния на эту эволюцию оказали такие восхитительные примеры изобразительного искусства, как те, что принадлежат Сезанну, одинокий и остервенелый тяжёлый труд Пикассо, внезапная встреча с Матиссом или Дереном, которой предшествовали встречи с Дереном и де Вламинком. Успехом уже вознаграждены картины Пикассо, Матисса, Дерена, де Вламинка, Фриеза, Марке, Ван Донгена. Необходимо, чтобы точно так же были прославлены работы Мари Лорансен и Жоржа Брака, чтобы позволили проявиться чистоте картин Валлоттона, чтобы поставить на заслуженное место такого мастера, как Одилон Редон. И я не сомневаюсь, что время решит поставленную мною перед ним задачу.

Вот Жорж Брак. Он ведёт удивительную жизнь. Он страстно, изо всех сил стремится к красоте, и он достигает её, похоже, без усилий.

В его композициях есть гармония и полнота, которую от него ждут. Его декорации свидетельствуют о вкусе и о культуре, подкреплённых его инстинктом.

Мощный сам по себе благодаря элементам синтетических мотивов, им представляемым, он стал творцом.

Он больше ничего не должен тем, кто его окружает. Его разум по собственному желанию сделал реальность сумеречной, и вот то, что производится средствами изобразительного искусства в нём самом и вне его, есть универсальное возрождение.

Он выражает прекрасное, исполненное нежности, и перламутровый перелив его картин расцветивает всеми цветами радуги наше сознание.

Колоритный лиризм, примеры которого слишком редки, наполняет его гармоничным энтузиазмом, и, что касается его музыкальных инструментов, сама св. Сесиль заставляет их звучать.

В его ложбинах жужжат и собирают мёд пчёлы всей молодости и счастья невинности, томящегося на его культурных террасах.

Этот художник ангельский. Более чистый, чем другие люди, он нисколько не заботится о том чуждом его искусству, что внезапно лишает его рая, в котором он живёт.

Ни в коем случае не следует искать здесь мистицизм набожных людей, психологию литераторов или демонстративную логику учёных! Этот художник komponует свои картины в соответствии со своей абсолютной заботой о совершенной новизне, о совершенной истинности. И если он и опирается на человеческие средства, на земные методы, то это для того, чтобы подтвердить реальность своего лиризма. Его полотна имеют единство, делающее их необходимыми.

Для живописца, для поэта, для художников (это то, что отличает их от остальных людей, и, в особенности, от учёных), каждая работа становится новым универсумом со своими особыми законами.

Жорж Брак совсем не знает отдыха, и каждая из его картин есть монумент усилию, которое никто до него ещё не делал.

(Предисловие к Каталогу выставки картин Брака, с 9 по 28 ноября 1908 года, у Канвейлера).

1909

Владислав Гранцов

Господин Владислав Гранцов не представляет себя в качестве реформатора изобразительного искусства. Он посетил музеи и льстит себя надеждой, что он извлёк из этого урок, могущий укрыть его в убежище парадокса. У него вовсе нет намерения быть современным в узком смысле, который иногда в это слово вкладывают.

В течение многих лет он изо всех сил старался копировать, в Прадо в Мадриде, картины Веласкеса, Тициана, Рубенса, чтобы проникнуть в некоторые тайны классической живописи. Он извлёк из частого общения с работами этих художников вкус к композиции, сохранивший его, по крайней мере, от определённых крайностей реализма.

Слишком потакая поверхностности, реализм, в сущности, подчиняющий знание и талант умению и чувствительности, не ведёт художника ни к чему, кроме импрессионизма.

* * *

Главная забота господина Гранцова состоит в том, чтобы построить свою картину в соответствии с законами, которые он считает традиционными.

На деле, никто ещё не показал наглядно тщетность этой дисциплины; совсем наоборот, множество художников считают её превосходной и, сообразно своим средствам, снова начинают наблюдать. Наперекор всем капризам и неумеренному культу личности, сейчас настал день для честности в изобразительном искусстве.

Как хорошо мы это понимаем. Речь вовсе не идёт о недоверии по отношению к тому, что талант мог бы иметь личностного; но кажется правильным развести по разные стороны художников, имеющих право честно заниматься своим искусством, укоренившись в нём, и невежд, кичащихся только своей неумелостью, не имея силы добиться этого права, чтобы навязывать фантомы изобразительного искусства там, где следовало бы всего лишь логически представить выражение истинной культуры.

* * *

Господин Гранцов испытал в Испании эмоции, которые он считает своими лучшими эмоциями. В Толедо он открыл колорит, представляющийся ему особенным. В других местах, в Греции, в садах Сицилии, ему попадались места, чистота которых от него не ускользнула, в любом случае, привлекая его меньше, чем выжженные солнцем пейзажи Испании.

И этот вкус, вкупе со вкусом к классической строгости, обозначает для художника тенденции, которые он силится примирить, обобщая композицию в оттенках, являющихся основой локальных цветов. Эта манера письма ни в коей мере не является описательной, и здесь главенствует декораторское чувство.

Господин Гранцов кажется непринуждённым всякий раз, когда он формулирует свою концепцию реалистичной стороны своих моделей. У него есть амбиция подняться до стиля, экономя на деталях и облагораживая линейную структуру своих картин, в которых он одушевляет свои пейзажи с помощью обязательных для композиции фигур.

Чтобы полностью выразить то, чего хотел господин Гранцов, можно добавить, что он направлял свои усилия на достижение равновесия контрастов, охватывая части картины. Этот

поиск живописной гармонии направлен, что очевидно, на достижение благородства выражения, что не может не придавать очарования его манере.

Именно так выражают себя настоящие художники.

* * *

Работы господина Гранцова, все они отличаются друг от друга, представляют единство усилия, дающее представление о его личности. В них обнаруживается эмоция, определённая серьёзность и иногда суровость.

(Предисловие к Каталогу выставки Владислава Гранцова, с 25 октября по 6 ноября 1909 года, галерея Э. Дрюе.)

[Гниющий чародей]

Полная совершенно новых и захватывающих идей, философская мораль которых не имеет аналога в литературе, *Гниющий чародей* Гийома Аполлинера самая таинственная и самая лиричная книга нового литературного поколения.

Иллюстратором этой работы, корни которой простираются далеко, до кельтских истоков наших традиций, был Андре Дерен.

Самый точный реформатор эстетики изобразительного искусства выгравировал на дереве образы, литеры и орнаменты, которые делают эту книгу настоящим чудом изобразительного искусства.

Тесно связанная с изобретением печатного станка, гравюра на дереве такова, что её стиль самым счастливым образом сочетается с видом книжной страницы, но её типографская традиция была быстро утрачена, чтобы, некоторым образом, быть совмещённой, в течение XX века, с гравюрой по металлу.

Вспомним, что первая работа, напечатанная подвижными буквами и иллюстрированная гравюрами по дереву была озаглавлена: *Письма индульгенций*, и она датируется 1454 годом.

Известно немного книг, в которых гармоничное сочетание гениев автора и художника проявлялось бы лучше, чем в *Гниющем чародее*. Эта гармония, в основном, и составила цену знаменитой альдины *Сон Полифиля*, что bibliофилы могли констатировать слишком редко.

Кажется, вкус к красивым изданиям вернулся. Издатель-библиофил Анри Канвейлер предлагает сегодня любителям искусства и литературы книгу, которая соединяет в себе, с точки зрения литературной и художественной привлекательности, такое качество печати, которое мы попытались сделать безупречным.

(Бюллетень подписки на книгу Гниющий чародей).

Медальон. Фовист

Родившийся в Като (север) 31 декабря 1869 года, господин Анри Матисс, которому тридцать девять лет, является главой группы художников, которых те, кто их боялся, называли *фовистами*.

Следует добавить, что иногда их судят слишком строго. Что касается господина Анри Матисса, поскольку большое число критиков нашло слишком мягким для него название *дикий*, его называли *дичайшим* или *свирепым животным*. Господин Франц Журден, весьма разумный, хотя и не очень проникательный, развлекался тем, что сравнивал его с Кабанелем. В действительности, господин Анри Матисс новатор, но он больше обновляет искусство, нежели привносит в него новое. Нужно, чтобы взгляд был очень затуманенным, так на него обычно действуют по большей части предметы искусственные, а не предметы искусства, чтобы быть неприятно поражённым чистотой рисунка и цветов господина Анри Матисса.

* * *

Бородатый, прячущий за очками в золотой оправе исполненный лукавства взгляд, господин А. М. живёт то в Париже, то в Коллиуре. Этот фовист рафинированный человек. Он любит окружать себя работами древнего и современного искусства, драгоценными тканями, скульптурами, изображающими негров Гвинеи, Сенегала и Габона, представляя с редкой чистотой их самые панические чувства.

Милый Амфитрион, которому помогает справляться с этой задачей очаровательная жена, ставшая, поскольку он фовист, фовиссой, часто принимает друзей. Его стол изысканный, но без чрезмерной пышности. Чувство юмора и игры трёх детей ещё добавляют очарования, исходящего от близкого общения с картезианским мастером.

1910

Выставка Сезанна

(Галерея Бернгейма)

Среди мастеров живописи XIX века, Поль Сезанн считается одним из самых великих художников.

Большинство молодых художников обрекают свои работы на predetermined признание. Ведь Сезанн, как все гениальные художники, смог остаться до конца своей жизни удивительно молодым. Он смог также отметить свои композиции величию и чертами выдающейся личности. Никто никогда не превосходил его в искусстве композиции.

Картины, которые представляют эту выставку, позволяют посетителю составить себе представление о всей совокупности работ мастера из Экса. Откровенно говоря, почти все картины известны. Но все они заслуживали того, чтобы снова вернуться, быть изученными, стать предметом размышлений.

Посмотрите на восхитительные и многочисленные этюды, вдохновлённые госпожой Сезанн. Ткани одежды рабочих (*sic*), которые играют, куря трубки, в *Игроках в карты*, напоминают драпировки Джиотто. Восхитительные *Купальщицы* являют собой не допускающий возражений аргумент против критики, ещё недавно трещавшей на все лады: Сезанн не умеет писать обнажённую натуру!

Деревья нежных пейзажей обладают почти человеческой жизнью.

Истинность проявляется повсюду в работах Сезанна; она облагораживает самую быструю акварель, самый стремительный набросок.

С уникальными задатками и со знанием техники живописи, заслуживающим восхищения, Сезанн смог предаться всецело воодушевлявшему его дерзновению. Его отвага иногда пугает, она, свидетельствует, главным образом, о его усилиях, о его сомнениях и о его терзаниях. Никто не заставит думать о Паскале так, как Сезанн. Литературные дарования первого были того же порядка, что и художественные дарования второго. Ведь оба они выразили с одинаковым величию то, «что иногда превосходит способность суждения».

(Пари-Журнал, 20 января.)

Ежегодная выставка Кружка Ассоциации

ТО, ЧТО ДОСТОЙНО ВНИМАНИЯ В САЛОНЕ НА УЛИЦЕ БУАССИ-Д'АНГЛА

Кружок Художественной Ассоциации созвал сегодня критиков на свою ежегодную выставку.

Милые живописные полотна, одухотворённые скульптуры... Салоны на улице Буасси-д'Англа вмещают, как думают, только искусство хорошего тона. Однако можно сожалеть о том, что существует живопись для светских людей, которая претерпела влияние английских художников XVIII века, столь поверхностных и в целом столь незелегантных...

Каким прискорбным свидетельством дурновкусия является эта англомания в мире изобразительного искусства, и насколько больше очаровательные черты французского XVIII века заслуживают, чтобы быть лучше понятыми именно сегодня.

Больше нечего сказать об искусстве господина Бонна. Он выставляет два портрета, госпожи Исидоры Леруа и доктора Поцци. Первый кажется более законченным, но второй выполнен с большим блеском. Двум портретам супруги господина Даньяна-Бувере немного недостаёт характера. Портрет господина Жана Экара в костюме академика, кисти Ж.-Ф. Бушора, напротив, выполнен с совершенной чёткостью и сходством. Заметят *Этюд* Альфреда Агаша, одухотворённый портрет, даже чересчур одухотворённый, на котором господин Аксилет ярко изобразил светского человека утром в Блуа.

Можно поблагодарить художников, выставляющих свои работы на улице Буасси-д'Англа, за то, что они не представили картин, на которых изображён паводок, мы достаточно их видели в других салонах. Господин Биллотт показывает нам свою картину *Сена у Жампа*, это Сена после наводнения, совершенно спокойная Сена, на которую приятно посмотреть, Сена, какая она есть, и господин Бийот очень остроумен.

(*Энтрансижан, 28 февраля*).

Жизнь художников

5 марта

ВЫСТАВКА КАРТИН ЛУИЗЫ БРЕСЛАУ

«Портретист – это исповедник, совершенно необходимый и говорящий за своих моделей то, что они сами не осмелились бы сказать».

Эта фраза господина Арсена Александра характеризует в полной мере талант госпожи Луизы-Катрины Бреслау. Она созерцала маленьких девочек и их молодые тела, их ясные глаза вдохновили её использовать нежные и выразительные пастели. У *Маленькой девочки в белом муслине* вид маленькой царевны,

Которая знала всё наперёд и никогда не улыбалась.

Две маленькие сестры, одна из которых держит вышивание, а другая ножницы, воскрешает в памяти какую-то сказку Андерсена, в которой у шерсти и у ножниц был очень трогательный символический смысл.

Маленькую девочку в красных башмачках как даму из Ноана зовут Жорж, и это настоящее романтическое имя, написанное в углу картины, придаёт ей более точное значение.

Госпожа Луиза-Катрина Бреслау немного увлеклась этой архаичностью или, скорее, этой *немодностью*, бывшей модной совсем недавно и кажущейся нам столь соблазнительной: архаичность, *немодность*, которая была модной ещё вчера, в XIX веке.

Она с любовью пишет картину *Две девочки, играющие на арфе*, картину *Молодая девушка рядом с пианино*, и в этой последней композиции букет ландышей такой свежести, что он кажется сегодняшним, тогда как остальная часть картины, молодая девушка и пианино, исчезает в прошлом.

Рядом с этими пастелями госпожа Луиза Бреслау выставляет цветы и четыре картины *За дверью, ведущей в две маленькие праздничные гостиные*. Если наша эпоха достигла подлинного стиля, художники к нему придут. Ремесленники следуют за великими художниками, соблюдая дистанцию. Также всегда очень интересно рассматривать художественное оформление, назначение которого было совершенным образом определено художником.

8 марта.

ВЫСТАВКА ХУДОЖНИКОВ-ДЕКОРАТОРОВ В ПАВИЛЬОНЕ МАРСАНА

Эта V Выставка художников-декораторов чрезвычайно интересна. Однако следует сожалеть о тенденции, показываемой сегодня большое число художников, подписывать свои ремесленные работы.

Работник искусства, высекающий, обтачивающий или вырезающий обычный предмет, должен оставаться анонимным. Вкус, о котором свидетельствует предмет, декорация, украшающая его, принадлежит эпохе, роду, некоторому кругу людей. Что касается меня, я предпочёл бы, чтобы не знали ни одного художника, декорирующего греческие вазы, и давным-давно я забыл бы имя Дурис, если бы его мне не напомнило похожее имя исчезнувшего из моей жизни друга...

Время, в котором мы живём, такое странное! Мы повсюду общаемся с уродством. Мы, не протестуя, позволяем ужасным автобусам бесчестить парижские улицы, наши дома настолько уродливы, насколько это только возможно... Тем не менее, нет ни единой молодой девушки, которая, выходя из дому со своей матерью, не несла бы на себе целый музей. Это кольцо, подписанное тем-то, тиснённый кожаный переплёт книги, подписанный таким-то, пояс, подписанный кем-нибудь ещё, и так далее.

У нашей эпохи будет стиль, в соответствии с которым меньше значения будут придавать подписям, и тогда даже автобусы обретут грацию. Я распознаю, между тем, не более чем обещания в этой попытке художников, почти всех, нацеленной на то, чтобы наделить нас стилем. В высшей степени вероятно, к тому же, что у нас он есть... просто мы об этом не знаем, так создавал стиль господин Журден.

10 марта.

ВЫСТАВКА КАРТИН БОННАРА

Я очень люблю живопись Боннара. Она простая, чувствительная, одухотворённая в лучшем смысле этого слова, и, я не знаю почему, она заставляет меня упорно думать о маленькой девочке-лакомке.

Конечно, мои предпочтения на стороне более амбициозных художников, стремящихся к возвышенному в изобразительном искусстве, не боящихся, в пользу столь высокого искусства, даже оступиться. Однако я охотно позволяю себе попасть под обаяние соблазнительной и просвещённой живописи господина Боннара.

Грация и изящество некоторых картин, на которых изображена обнажённая натура, как те, что называются *После купания* и *Полубнажённая* не имеют аналогов в истории искусства.

Среди пейзажей мы обнаруживаем произведения большой силы, в которых нет брутальности, свидетельство тому картина *Поезд и шаланды*, впечатление от неё очень сильное и очень лёгкое одновременно. Здесь есть эмоция, немного насмешливая эмоция в небольшой картине, на которой мы видим лиловую крышу, разрушенную стену, небо перед наступлением ночной темноты, и двух маленьких детей, уходящих в поля.

У господина Боннара есть фантазия и простодушие. Перед его картинами кто-то сказал мне, что у него появилось желание прочесть басню Лафонтена, а что касается меня, я грезил о Бернадене де Сен-Пьере... В один из дней, развлекаясь, господину Боннару следовало бы проиллюстрировать *Поля и Виржинии*.

12 марта.

ВЫСТАВКА КАРТИН ШАРЛЯ ГЕРЕНА

Современным картинам господина Шарля Герена я предпочитаю те картины, на которых он пытается вызвать в воображении галантные праздники, такие, какими их изобразили Банвиль и Верлен, романы 1830 года, старомодную грацию литографий, немного неуклюжую и грубоватую, кринолины и так далее, вплоть до грации былых времён. Одним словом, всё это *счастье жизни*, которое идёт со времён Регентства до выхода в отставку президента Греви.

Много говорили против литературной живописи, и её там меньше, чем полагают.

Живопись даёт выход чувству, аналогичному внушавшемуся поэтами, и у романистов есть совершенное право на существование, также как музыка может адаптироваться к словам,

к чувствам, относящимся к литературе. И определённые маленькие картины господина Шарля Герена, картины полные живости, в которых сверкают оттенки крыла жар-птицы, в достаточной степени демонстрируют то, что я утверждаю. *Нежная записка* напоминает нового Стендаля. Картина *Букет* с женщинами, освещёнными солнцем, рядом с цветущей геранью, ждут гравёра, который напечатает четыре стихотворения Мюссе.

Поскольку существует литературная живопись, поскольку господин Шарль Герен приходит в волнение, воображая маскарады, мандолинады другой эпохи, он позволяет своей кисти рассказывать нам нежные и романтические истории, в действительности, немного вульгарные, но более удачные, чем его портреты и его натюрморты...

13 марта.

ВЫСТАВКА ХУДОЖНИКОВ И СКУЛЬПТОРОВ

Выставку старого «Нового общества» составляет отличное собрание работ. Огюст Роден прислал два бюста. Альбер Бенар показывает нам довольно строгие работы, но без чрезмерной суровости. Князь Трубецкой, Микель Анджело в миниатюре, прислал маленького господина, который, кажется, является выдающейся личностью; он попытался, кроме того, запечатлеть грацию хореографических движений.

Господин Жак-Эмиль Бланш всегда пишет для Петрона, арбитра в вопросах элегантности, и для Бруммеля, шик которого изумил светское общество в Кане, в Нормандии. Его денди не имеют сегодня никого, кто мог бы с ними сравниться. Но живопись господина Бланша сделана по их образу и подобию.

16 марта.

ВЫСТАВКА МОРИСА ДЕ ВЛАМИНКА

Очень важная выставка скоро откроется у Воллара, улица Лаффитт. Каталог, предваряемый письмом господина Рожера Маркса, не содержит ничего, кроме сорока номеров.

Здесь только первоклассные полотна...

Господин Морис де Вламинк является одним из наиболее одарённых художников своего поколения. Его видение широкое, мощное; его трезвая и интенсивная фактура оставляет линиям всю их свободу, объёмам всю их рельефность, цветам всю их яркость, всю их красоту.

Господин де Вламинк питает расположение к окрестностям Парижа, и, прежде всего, к берегам Сены. Виадук, мост в Шату, мост в Триеле, мост в Мёлан, холмы Лувесьена, баржи резких цветов, пузатые судна для перевозки угля, шаланды, медленно плывущие по течению реки, вот они очень простые сюжеты, чаще всего изображаемые этим смелым художником. Когда ему случилось оставить *эти покрытые цветами берега, через которые протекает Сена*, Вламинк дошёл до Версаля, и он принёс оттуда превосходные по исполнению картины, изображающие замок, парк. Живопись господина де Вламинка как будто погружена в лазурь. Интенсивность цветов его неба сообщает всей картине замечательную яркость, характерную для этого художника. Это верно до такой степени, что он должен модифицировать свою манеру письма так, чтобы он смог изобразить что-нибудь другое: натюрморт, например. Инстинктивно, он, в этом случае, изображает красочные формы, нагромождённые на полотне, этот приём изобразительного искусства на написанных на открытом воздухе картинах, в силу контрастов цветовых пятен, оппозиций света, он применял даже к своему небу.

Де Вламинк выставляет также фаянсы: расписанные тарелки и вазы, немного варварские, но они производят самое редкое и самое роскошное впечатление.

(Энтрansiжан.)

Следите за живописью! Салон независимых художников выставлено 6 000 полотен

ОБЩИЙ ВИД 26 ЕЖЕГОДНОЙ ВЫСТАВКИ. – НОВЫХ ИМЁН НЕТ. – ПОРАЖЕНИЕ ИМПРЕССИОНИЗМА. – МОЛОДЫЕ ХУДОЖНИКИ СНОВА ВОЗВРАЩАЮТСЯ К КОМПОЗИЦИИ

18 марта.

Вчера мне рассказали дивный анекдот.

Было время когда, будучи мишенью для насмешек публики, Мане всё равно выставял свои картины.

Стефан Малларме преподавал английский язык, и один из его учеников раздосадовал его до такой степени, что учитель счёл себя вынужденным оставить его в наказание после уроков.

В этих обстоятельствах, мать ребёнка пришла умолять учителя отменить наказание.

– Пожалуйста, месье, – сказала она, – позвольте моему сыну уйти. В этот момент проходит выставка Мане. Весь Париж проходит мимо этих полотен, чтобы посмеяться над ними. Я не смогу утешиться, если мой ребёнок будет лишён этой единственной в своём роде радости, и которая, кроме того, может послужить формированию его вкуса.

– Мадам, – ответил Малларме, – Ваш сын был невыносим. Впервые я считаю себя обязанным наложить наказание на одного из моих учеников. Итак, что касается этого наказания, я его удваиваю. До свидания, мадам.

Если ребёнок, о котором я говорю, ещё жив, и если он захочет пойти в Лувр, он, должно быть, сильно удивится: на почётном месте там выставили эту *Олимпию*, так смешившую его мать, и которую Малларме не хотел, чтобы видели в плохие для неё времена, даже ценой несправедливости...

Я думал обо всём этом в эти дни, готовя рецензию для XXVI Выставки независимых художников. С какой осторожностью следует воздерживаться от того, чтобы произносить слишком поспешные суждения. Ошибиться так легко, а мы не всегда имеем рядом с собой Малларме, охотно удваивавшего наказание, заслуженного кощунственным смехом.

Сегодня в области изобразительных искусств Франция правит неоспоримо. Салон независимых каждый год очень правильно нас информирует о художественных тенденциях, которых придерживаются молодые французские художники, и, благодаря этому, мы можем предсказать, каким станет в скором времени разделяемый всеми вкус в изобразительном искусстве. Несмотря на неизбежное нагромождение посредственных или смехотворных работ, несмотря на изрядное количество розыгрышей, «Независимые» каждый год предсказывают будущее изобразительного искусства, так же как барометр предсказывает погоду.

Выставка 1910 года, если она позволила некоторым художникам утвердить талант, о котором уже было известно или, по крайней мере, в котором сомневались, не представляет вниманию публики ни одного нового имени.

Не начинайте думать из-за этого, что Франция производит меньше художников. Так происходит просто оттого, что после разрушения оранжерей в Кур-ла-Рен, у Общества независимых больше нет пристанища, а строящиеся им павильоны, обходящиеся ему очень дорого, не позволяют принимать новых последователей, которым оно могло бы гарантировать, что сможет повесить на выставке их картины. Такой, какой он есть, Салон независимых содержит 6 000 работ, и это много. Если бы нам нужно было перевести общий смысл этой выставки, мы

охотно сказали бы – и с какой радостью! – что она обозначает: поражение импрессионизма. Мы с лёгкостью убеждаемся в этом, рассмотрев работы в залах 18 и 21, где представлены действительно значимые работы этого салона.

МАТИСС, ЧЕСТНЫЙ ХУДОЖНИК. – ОТОН ФРИЕЗ, МАНГЕН, ПЮИ, ДЕ ВЛАМИНК И МАРКЕ

Каждый зал разделен на три части. В зале 18 мы находим, в правой его части, картины Анри Матисса, Отона Фриеза, Мангена, Пюи, де Вламинка и Марке.

Сначала поговорим об Анри Матиссе, об одном из самых резко критикуемых художников настоящего времени. Не видели ли мы недавно, как вся пресса (включая и этот журнал) напала на него с редкой необузданностью? Нет пророка в своём отечестве, и тогда как шумно приветствующая его за граница приветствует Францию, последняя готовится побить камнями одного из самых обольстительных художников современного изобразительного искусства. Я счастлив возможности ещё раз похвалить целостность этого искусства. Матисс один из редких художников, которые полностью освободились от импрессионизма. Он стремится не имитировать природу, но выразить то, что он видит, и то, что он чувствует, самой материей картины, также как и поэт использует слова словаря чтобы выразить ту же самую природу и те же самые чувства.

Вместе с тем он обладает истинным талантом, и энергия его единственной в своём роде картины, выставленной посреди работ, в которых всё ещё чувствуется влияние импрессионизма, ощущается ещё сильнее. Это действительно произведение аутентичного искусства...

Адам и Ева Отона Фриеза отмечает важный этап его жизни в изобразительном искусстве. Это значительное художественное достижение с точки зрения композиции.

Я отмечаю любопытные поиски в том, что касается фигур. Пейзаж, в котором лучшие фауна и флора сообщают им своё очарование, чрезвычайно красив. С другой стороны, мне очень нравится маленькое полотно, на котором Фриез изобразил конькобежцев. Мы имеем здесь художественную интерпретацию современного костюма, которая очень нова.

Манген назвал *Размышлением* очень тщательно написанное и очень гармоничное полотно, на котором он изобразил обнажённую женщину перед зеркалом. Но, возможно, не меньше мне нравится его *Женская голова в зелёном тюрбане*, маленькое полотно, просто элегантно и очень удачное.

Пюи сделал большие успехи. Его морские пейзажи прозрачны, *как в самые хорошие дни*, вот его обнажённая женщина, лоно которой едва прикрыто, вот дерзость маленькой веницианской куртизанки, однажды любившей Казанову, перед которой смутился Жан-Жак. Лапрад выставляет важный *Натюрморт*, в котором есть чувствительность, искусство и уверенность.

Два полотна Марке, такие простые, так или иначе, предлагаются вниманию публики. Этот художник смотрит на природу по-доброму. В нём есть некоторая мягкость святого Франциска. *Море в Неаполе*, *Голландская бульварная улица* отражают эту доброту, это спокойствие, эту радость. Вот ещё реки де Вламинка, с лодками, буксирными судами, белыми парусами, широкие и прекрасные виды берегов Сены и тщательно проставленные знаки Лакост.

МИСТИЦИЗМ ЖИРЬЁ. – ОЧАРОВАНИЕ МАРИ ЛОРАНСЕН. – БОЛЬШАЯ ОБРАЖЁННАЯ МЕТЦЕНЖЕ. – ВУЛЬГАРНОСТЬ ВАНА ДОНГЕНА

В средней части зала 18 находятся полотна Жирьё, стремящегося к мистически возвышенному. Это современный мистицизм, отражающий очень высокий человеческий идеал.

Талант Рауля Дюфи не имеет аналогов, с одной стороны, среди живописцев Умбрии, с другой стороны, среди гравёров по дереву прошлого. Его картины хорошо упорядочены, и он пишет уверенно. Следует очень дорожить этими маленькими вещицами, выставлением которых он ограничился.

Три картины мадмуазель Мари Лорансен отмечают значительный прогресс этой художницы. Её искусство более мужественное, чем у других женщин, восхищающихся изобразительным искусством. И эта идеальная мужественность соединяется с грацией, с очарованием, которого больше нет нигде. В этих полотнах, озаглавленных *Причёсывающаяся женщина*, *Этюд*, *Натюрморт*, чувствуется уверенное знание себя самой и воображение очень декоративной личности изобразительного искусства.

Чистота такого искусства является честью нашего времени.

Жан Метценже выставляет картину обнажённой женщины крепкого сложения – иные называли её крепко сбитой – виды Авиньона, Лана и портрет Вашего покорного слуги. Метценже метит высоко. Он берётся – возможно, с некоторой холодностью – за работы, с которыми многие мастера так и не справились. У этого молодого парня есть право на то, чтобы ему уделили внимание.

У Робера Делоне меньше тревожности. Он не как Метценже, готовый всё попробовать ради искусства. Но его благоразумие несколько не отдаляет его от странностей, и влиянию картины Фриеза, под которое он попал несколько лет назад, мы обязаны в этот раз основательно написанными картинами, вид которых, к сожалению, напоминает нам землетрясение.

Руо выставляет свои мрачные картины. На эти устрашающие карикатуры, на работы Гюстава Моро действительно тяжело смотреть. Спрашиваешь себя, какому нечеловеческому чувству повиновался художник, задумавший их.

Картины господина Ван Донгена являются выражением того, что буржуа, страдая энтеритом, называют сегодня оригинальностью. Что до меня, то мне здесь хорошо видны некоторые дарования живописца, но также и вульгарность, которую художник пытается превратить в брутальность. Упомянем Модильяни, Лота, *Вид Камаре* и *Обнажённую Жака* и перейдём к Руссо, Таможеннику. Он прислал большую картину, которая называется *Сон*; на софе 1830 года спит обнажённая женщина. Повсюду вокруг растёт тропическая растительность, в которой обитают обезьяны и райские птицы и, меж тем, как львица и лев спокойно проходят мимо, негр – мистический персонаж – играет на свирели. От этой картины исходит красота, это бесспорно... Я думаю, что в этом году никто не осмелится смеяться... Спросите у художников. Все единодушны: они восхищаются. Они восхищаются всем, скажу я Вам, даже этим канале эпохи Луи-Филиппа, затерянном в девственном лесу, и у них есть на то веские основания. Упомянем ещё большие фигуры Ле Фоконье, ориентирующего свои поиски с точки зрения благородства и величия, доходя даже до того, чтобы жертвовать красотой.

СВЕТ НЕО-ИМПРЕССИОНИСТОВ. – РУССЕЛЬ, БОННАР, МОРИС ДЕНИ. – СИНЬЯК ВЫСТАВЛЯЕТ ШЕДЕВР ИМПРЕССИОНИЗМА

В зале 21 мы находим объединённые работы нескольких импрессионистов и тех неоимпрессионистов, переделавших теорию таким образом, чтобы писать свет, который импрессионисты изображали брутально.

Руссель и Боннар, нежные и одухотворённые художники, соблаздившие господина Октава Мирбо. Конечно, им это удалось по той же самой причине, по которой наши коренастые муниципальные гвардейцы прогуливаются со всеми очень милыми молодыми женщинами. Каждый прислал по картине; господин Морис Денни выставляет картину *Невсикая*, задуманную в соответствии с современным декоративным чувством и духом древности. В ней есть

чистота, но также есть и неопределённость. Господин Морис Дени не ладит с Гомером; после того, как он попробовал применить к картине наставление Андре Шенье

Из новых мыслей сделаем античные кубки

он интерпретирует более удачно католическое чудо, легенду о святом Георгии.

Выставка Синьяка восхитительна. Этот талант дивно расцвёл, и ему не мешает эта мелочная дисциплина пуантилизма. Картина *Дерево* есть шедевр неоимпрессионизма, – в целом, не относящийся к импрессионизму. Синьяк выставляет ещё проникновенную и совершенную акварель, и я не знаю какой великолепный и сияющий город Иль-дю-Левана.

Но рядом с этим мастером, его последователи держатся не так хорошо. Тем не менее, следует упомянуть Анри-Эдмона Кросса и Люси Кутюрье.

Господин Лебаск выставляет картины *Рыбы*, *Дети, которые едят фрукты на фоне морского пейзажа*, это хорошая и красивая живопись, честная и простая. Больше сказать об искусстве Серюрье нечего. Увы!... лучше посмотреть на декоративные панно Вальта, на которых изображены рыбы, на красивую декорацию Делтомба: цветы, фрукты, овощи гармонично смешаны. В картине *Деревья* Жана Девиля есть красивое чувство, он также выставляет картину *Пейзаж с железной дорогой* и изысканный *Натюрморт*. Мадам Жоржетта Агютт написала большую любительскую работу. Это совсем не смешно, и, поскольку она смела, нам страшно подумать, что ещё она осмелится сделать... Посмотрим ещё на картины Песке, очень плохие и скучные, Максимильена Люса, шероховатые и честные, Петижана, кажущегося очень неловким по сравнению с такими художниками, как Люс, Боннар или Синьяк...

Вернисаж

БОЛЕЕ ДЕСЯТИ ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК, В ПАВИЛЬОНАХ КУР-ЛА-РЕН, СКОЛЬЗЯТ ПО ВЛАЖНОЙ ПОЧВЕ, КОТОРУЮ ПОКРЫВАЛА СЕНА МЕСЯЦ НАЗАД. – ПАСМУРНАЯ ПОГОДА, ВЕСЁЛЫЙ ВЕРНИСАЖ

19 марта.

Вернисаж... слово, изначальное значение которого абсолютно искажено, художники больше не покрывают лаком свои картины, или, по крайней мере, покрывают их лаком раньше или не там, где их выставляют. Вчера был вернисаж для торговцев картинами, которые пришли сделать покупки. Видели также господина Дюжардена-Бомеса, который покупает картины за счёт государства. Он ещё не определился со своим выбором, и он снова придёт на днях. Сегодня был вернисаж для публики. Толпа давилась в павильонах Кур-ла-Рен: ...наводнение из людей после речного наводнения, от которого земля ещё влажная! С того времени едва прошёл месяц, Сена поднималась досюда...

Общее устройство Салона производит самое благоприятное впечатление. Вместо восточных портьер, которые в прошлом году украшали входы в залы, на этот раз использовали серую ткань, которая не мешает смотреть на картины.

Впечатление от просмотра у публики отличное. Этот салон весёлый, молодой и его приятно осматривать. Редко было, чтобы художественные тенденции были бы лучше обозначены... Влияние Ренуара, влияние Пикассо или Матисса доминируют среди прочих влияний, не столь чётко очерченных.

В зале 12 заметна, главным образом, выставка работ Дирикса. Норвежский художник прислал картину, на которой изображена *Светловолосая полубнажённая женщина*, необычность которой выбивается из обычной солидности Дирикса. Совсем рядом художник выставляет свой портрет, поражающий сходством и большим мастерством. Сверху громоздятся друг над другом виды норвежских *фьордов*, написанные со спокойной энергией, с мощной умиротворённостью и с искусством французских мастеров 1830 года.

Нет смысла смотреть на вольности Галара, бедные и печальные... *Плоть печальна, увьи!* ... Рассмотрим лучше картины, присланные Рене Жюстом, обладающим очень *верным* чувство пространства. Отметим Пьера Шапюи, который кажется Ван Гогом, огорчающимся из-за тающих конфет. Шапюи всё-таки художник; его картины *Цветы*, *Косолапый* и, в особенности, его *Привал* красивые.

В зале 13 мы видим: *Купальщиц* Вейзе; в этой красивой картине чувствуется прямое влияние Сезанна. Тем не менее, Вейзе имеет индивидуальность, уже себя показавшую. Он резонно предаётся поискам композиции. Неестественный ориентализм Манцана уже снискал себе очень большой успех... Между тем, нет ничего более вульгарного, более фальшивого, чем эти панно, декорированные не красками, а этим воском для запечатывания, металлических цветов, которым пользуются молодые девушки. Эта имитированная пастозность Англада, эта виртуозность, которая никогда не станет стилем, говорит мне, что здесь нет ничего путного! Вот картины Тристана Клингзора, изысканными и утончёнными поэмами которого я восхищаюсь бесконечно.

МЕРТВЕЦ: ЛЕМПРЁР

МНОЖЕСТВО ИМЁН В «SKY»

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИВОПИСЬ МАЛОРОССИИ

В зале 15 повешены, украшенные чёрным крепом, несколько картин Лемпрёра, умершего в прошлом году. Этот художник, чей талант был значительным, я знал его в коллеже, где он был старшим по курсу. Я снова вижу его, рисующего безостановочно, особенно солдат: альпийских стрелков. Я рассматриваю эту посмертную выставку не без эмоций. Одно полотно, блистательное и весёлое, написанное на скачках, особенно останавливает моё внимание. Жазинский, вдохновляемый китайцами, персами, индусами и ацтеками, ещё не расстался со *Школой византийского обновления*, о которой я собираюсь говорить. Большое декоративное панно Брунеллески изумляет своей незначительностью. Оно говорит о большой претенциозности и об отсутствии знания.

После Нивулье, мы переходим к Прусковскому, он интеллигентный, одухотворённый, но в его духе нет ничего французского. Хосе Габорио пристально смотрел на *Историю Психеи*, выставленную Морисом Дени в Осеннем салоне два года назад. Шатров бесстыдным образом подражает Одилону Редону. Воло, Жорден этого салона, выставляет огромных обнажённых.

Влияние Андре Дерена чувствуется в зале 16 в картинах Экерта. Я люблю серьёзные и простые картины Бланше. Он выставляет работу *Пляж с обнажённой женщиной*, в которой мы ощущаем истинный и неповерхностный художественный талант. Его *Пейзаж* очень красив. Два другие его полотна одинаково интересны, и в них проявлено, прежде всего, влияние Мориса Дени. Ж. Кротти принял пуантилистскую теорию не для того, чтобы получить чистые тона, а только для того, чтобы выделиться, чтобы придать шик своим работам. Марино пребывает в поиске декоративных эффектов. Упомянем Пьера Дюмона, очень скверных обнажённых Дюшана, Кончаловского, который пишет ударами сапог, Левицкую, её картина, на которой изображена обнажённая пара, танцующая в парке, довольно радостная, и перейдём к *Школе византийского обновления*, сформированной тремя художниками, вернее, тремя ремесленниками, двумя мужчинами и одной женщиной: Бойчук, Касперович и мадмуазель Сеньо. Амбиция этих художников заключается в том, чтобы сохранять неизменными традиции религиозной живописи Малороссии.

Они вполне преуспели в этом своём стремлении, и их совершенно законченные, хорошо написанные картины являют собой совершенную византологию. Они точно так же применяли своё искусство к более современным маленьким картинам: *Пасущая гусей*, *Архитектор*, *Любительница чтения*, *Идиллия* и т. д. Беда в том, что, охотно доверившись стилизации, они ещё не настолько умелые, чтобы приладить к ней современного персонажа, и, несмотря на их добрую волю, когда они пишут господина в манишке, вся византология исчезает, и остаётся только немного неуклюжая живопись малороссов, которым необходимо изучить современную живопись, совершенно отличную и более трудную, в целом, чем живопись позолоченных икон украинских соборов.

Эта *Школа византийского обновления* включала в себя гораздо больше последователей.

Известное их число составляют сейчас секту диссидентов, несовершенные работы которых были помещены рядом с каноническими работами, исполнением которых ведаёт господин Бойчук.

Несколько византийских картин (православных и раскольничьих) были выставлены в зале 17, где также можно видеть рисунки и картины Рикардо Флореса. Франсис Журден прислал, среди прочих полотен, натюрморт, представляющий собой стол и кувшин, в котором стоят цветы, тонко гармонизированный художественными изделиями в японском стиле, которыми украшен задний план картины. Есть также лесная чаща с ручьём, в котором женщина и девочка, уже полураздетые, собираются искупаться.

20 марта.

Продолжим обозревать километры живописи.

Прежде чем продолжить нашу прогулку вдоль этих бесконечных аллей, украшенных картинами, которые называются Салон независимых, побудем ещё немного времени в этом зале 17, одном из самых интересных на этой выставке.

У ЖАКА БЛО ХОРОШАЯ КОМПОЗИЦИЯ

ЦВЕТНЫЕ ГРАВЮРЫ МАДЕМУАЗЕЛЬ КРУГЛИКОВОЙ

Жак Бло выставляет полотно, преизливающееся лиричной радостью. Лето, и вот море. Барки, суда, сады, спускающиеся до побережья, отовсюду бегут молодые женщины, обнажённые девочки – наяды или дриады – они бросаются в море и плещутся в нём, заставляя фонтанировать эту пену, всегда готовую произвести божественное и новое тело Афродиты. Господин Бло выставляет ещё прекрасный портрет дамы в белом платье с хризантемами в большой голубой фарфоровой вазе, картина *Материнство*, розовая и свежая с любопытными исследованиями выражения лица ребёнка и соблазнительный букет, помещённый на тумбу из гранатового велюра перед задним планом картины, составленным персидским ковром.

Луи Сю выставляет два натюрморта, очень декоративных, особенно тот, что с японским веером, и портреты современных женщин; живопись немного чувственная, но также немного поверхностная. Цветные гравюры мадмуазель Кругликовой в числе самых прекрасных из тех, что делают в наши дни. Выставка картин Форнеро приличная. Картина *Ниши* забавная. Собрание картин выдержано в немного мрачных тонах с усилением, направленным на то, чтобы придать радости этим картинам. Здесь чувствуется влияние Пишо. Единственное различие происходит оттого, что Пишо пишет маленькие фигуры, а Форнеро, прежде всего, натюрморты. Также у Форнеро больше виртуозности. Но Пишо более чувствительный.

Господин Хосе Габорио, больше Хосе, чем Габорио, правильно поступил бы, если бы отказался от живописи, и занялся написанием полицейских романов, как сделал его однофамилец, работы которого бесконечно нравились Бисмарку.

Окинем взглядом наивные композиции Пишо, каталанский Тернис, чьи *образины* – по слову Луи XIV – далеки от того, чтобы быть столь же экспрессивными, как у этого фламандского художника. Оставим без внимания зал 18, который мы уже исследовали в первый день.

Перейдём в зал 19, где выставлены рисунки Абрамовича и Северина Раппа, исповедника человеческих лиц, тонкого и искреннего художника. Упомянем Тома Жана, красиво написавшего женщину, чистящую апельсин, Хэзлдайна, старого пуантилиста, теперь вульгарно размазывающего свои гротескные сборища, которые старые фламандские художники умели изображать с таким талантом и с такой живостью, Дусе, которого его танцовщицы монмартрского бала и его жалкие портреты навсегда отделяют, я надеюсь, от его давних друзей из Аббатства.

В зале 20 мы заметим рисунки, выполненные в хорошем стиле, Мориса Робина. Это виды Парижа, очень чистые и полные воздуха. В этих песчаных морских берегах есть пространство. *Дереву*, расположенному перед морем, вместе с парусами, хватает и мощи, и величия. Тавер-

нье, – это ли псевдоним Шарля Герена, которого модель мы видим, и вот мы видим его живопись? ...Вот Жорж д'Эспанья, посредственный художник, живопись которого, с её грязными красками, лишена рисунка. Вот Ломбар, копирующий Ван Донгена, лишённый и живости, и художественного таланта последнего.

Русский юморист, Леон Шульман, заставляет себя смеяться. Павио прислал картины *Время сбора винограда* и *Молодая женщина в корсете*, чистая, красочная, воздушная фактура которых мне очень нравится. После того, как посмотрели гармоничные пейзажи Жана Плюме, нужно на мгновение остановиться перед претенциозными маленькими картинами Зака, смешивающего, не возвышая их, Бугро, Редона, Гольбейна, византийцев.

Один зал отмечен №№ 22 и 23. Прежде всего, мы замечаем выставку картин мадам Вастикар. Это мебель, декорированная изысканной акварелью. Вот неожиданное и вполне очаровательное применение акварели. Присланные мадам Вастикар работы, будут, определённо, отмечены особо. Тёплый и тёмный тон блестящего дерева, новые, удобные, лёгкие и очень простые формы мебели, выбранные художником, соревнуются, выделяя грацию и свежесть акварели.

Владислав Гранцов изумил меня тем, что я не встретил раньше его картин. Он прислал на выставку *Парк* и два *Пейзажа Корфу*, навевающие лиричное настроение, и они написаны в этих смягчённых тонах, очень благоприятствующих мечтам. Вот полные чувствительности рисунки Луизы Эрвьё, художественные изделия из железа Лансона, в них я отмечаю неудачное использование кожи вместе с железом. И я охотно закричал бы: «Держи вора!», глядя на сладострастно изваянную прекрасную *Еву*, на *рельеф* с тремя округлыми женщинами, которые – *Ева* и *рельеф* – выглядят так, как если бы их создал Аристид Майоль, и которые изваяны Хётгером. Этот художник, берущий всё, что плохо лежит, уже присвоил себе добро, принадлежащее то Константину Менье, то Бурделю, то Родену. Но Хётгер очень талантлив, и помимо всего прочего, у него есть право делать то, что ему нравится, даже совершать плагиат, как делали многие великие люди. Работы Циолковского похожи на уложенную в бочонок рыбу, и это искусство для извращенцев, оно развращает их ещё больше. Оставим без внимания зал юмористов. Однако упомянем Паскина, он остроумен, и эту жалкую *Мишень*, написанную в объёмном изображении Абади.

22 марта.

КОНЕЦ ПРОГУЛКИ ВДОЛЬ 6 000 КАРТИН

Я остановился в зале юмористов.

Рисунок Боронали – милая шутка, совсем не чрезмерная. Ничего редкого в плане слишком острых шуток, также ничего сложного, и это главное. Герои *Илиады* обмениваются доходающими до крайностей оскорблениями. После Гомера очень редко попадалось что-нибудь из ряда вон выходящее. Не так гомерично, как хотелось бы.

Зал 24 Полотна Верховена являют собою монумент невежеству и дурному вкусу. Ломбар имитирует Ван Донгена, не имея ни одного из дарований этого художника.

Зал 26, Альбер Глез выставил *Портрет поэта Акроса*. Мне больше нравятся пейзажи Глеза, чем этот портрет.

Зал 27, я отметил Анри Геона, сильного художника, очень утончённого писателя и, возможно, брутального врача.

Зал 30, нужно смотреть с уважением на партию картин Марсея Ленуара, потому что в этих полотнах есть сострадание и ещё раз сострадание. Необходимо также со вниманием смотреть на выставку Штукгольда, немного опоздавшего, по-видимому, с поисками, уже законченными другими художниками, но его художественные достижения вовсе не банальные. Действительно непонятно, что сказать о господине Дюнуае де Сегонзаке. Он бессмысленно использует

слишком много полотна и слишком много красок. В этом отношении он отличается от мадмуазель Маруси, пишущей сдержанно, он исследует экспрессию и силу немного в ущерб красоте. Она же не хочет говорить мне то, о чём я думаю. Другой гордый художник, о котором я говорил что-то похожее, хотел бы сделать то же самое, я об этом наслышан. Господин Ле Фоконье заблуждался, ибо нет никого, кто был бы лучше к нему расположен, чем я. Я приписываю ценность произведению искусства, сообразуясь с мерой, в соответствии с которой, как я думаю, художник приблизился к прекрасному, а не к мощи, не к силе воздействия, не к доброте или какому-нибудь ещё атрибуту Божественности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Собрание картин Салона независимых художников обнаруживает перед нами, что тенденции молодых художников находятся в стадии составления. Чтобы привести в порядок эти тенденции, художники употребляют множество средств. Никогда не видели ни искусства столь систематического, ни такой разнообразной художественной системы.

(Энтрансижан.)

Жизнь художников

31 марта.

ВЫСТАВКА КАРТИН ВЕНЧЕСЛАСА РАДИМСКИ

Пейзажи господина Венчесласа Радимски кажутся как будто утопленными в белом свете, слишком белом – в искусственном свете. Ясность не составляет здесь красочной материи картины, как у Синьяка, например. Можно было бы сказать, что, у господина Радимски, света слишком много. Он преувеличенно освещает аккуратно прорисованные предметы и позволяет заметить слишком много деталей в пейзаже.

Достоинства находятся всецело в рисунке, в построении. Виды Иль-де-Франс господина Радимски имеют одно достоинство, о котором сегодня не всегда заботятся художники: они имеют определённое место в пространстве. И если у них нет несравненной серебристой мягкости картин Коро, о которой мечтал господин Радимски, в них есть, по крайней мере, чистота, редкая сегодня честность.

6 апреля.

ВЫСТАВКА КАРТИН ОТОНА ФРИЕЗА

Вот выставка, которую с большим удовольствием посетят все, кто любит французскую живопись, вот этот чистый свет, не слишком бледный, но и не ослепляющий, освещающий полотна Пуссена также как и полотна Лоррена, вот эта экспрессия, придающая столько правдивости портретам Клуэ, лицам братьев Ле-Нен.

Не имея желания раздавить господина Фриеза тяжестью этих имён, по праву знаменитых, я хочу похвалить его за его нежную необузданность, заставляющую саму природу сообразоваться с размерами, задуманными художником.

У великих художников каждое полотно есть микрокосм осязаемого мира. Очень вероятно, что в будущем заметят это в картине *Пейзаж*, отмеченной № 20 в каталоге. Мягкий и яркий свет придаёт этому полотну качество, которого мы совершенно не находили в картинах, написанных вне Франции, или которое постигли бы в духе, отличном от господствующем во французском искусстве.

Взгляните на простоту, на мягкость, и свет картины *Вход из кустов чёрной смородины*, первоклассного полотна, помещённого среди *Этюдов в Провансе*, оно всё ещё очень импрессионистское, и оно освещено солнцем немного брутально. В этот момент господин Фриез, освобождённый от импрессионизма, сохранил от него понятную любовь к свету и истинное его знание.

Акробаты свидетельствуют о поисках стиля в художественном выражении. *Рыбак*, совершенно обнажённый в этом свете цвета перванш, сильная и утончённая маленькая картина. Будут также смотреть на две композиции, озаглавленные *Вода*, меньшая из которых, возможно, содержит больше величия.

Что касается меня, мне очень нравится акварель, названная *Порт*, напоминающая о судах прошлых времён. Фелука с наполненными ветром парусами, входящая в порт, где работают матросы, может быть, каторжники.

Я ещё раз посмотрел картину *Работа осенью*, и это полотно больших размеров вызвало у меня больше эмоций, чем в прошлый раз. В глубине картины, неподвижные массивы леса и дома, на переднем плане, мобильная группа сборщиков древесины и фруктов и эта полная мать, кормящая своего ребёнка, формируют исполненную эмоции и величия композицию. Здесь, возможно, от художника не ускользнуло понимание того, что нужно быть просто лишь переводчиком универсальной доктрины в эпоху религиозных верований, чтобы произвести шедевр.

Господин Фриез выставляет также известное число этюдов Мюнхена и натюрмортов, которым я предпочитаю пейзажи: свет, тень и растительность, населённые значимыми фигурами.

(Энтрэнсижан.)

Перед верниссажем Салона национального общества изящных искусств

[13 апреля.]

БЕГЛЫЙ ВЗЛЯД НА СОБРАНИЕ КАРТИН В ТЕЧЕНИЕ ВЕРНИССАЖА ХУДОЖНИКОВ

Чрезмерно умножаясь, отдельные выставки отнимают у больших ежегодных обзорных салонов часть интереса к ним. Любопытство публики уже не такое живое. Такие-то художники уже показали в галереях наиболее важную часть, если не лучшую, своих работ, созданных за год. Тем не менее, большие салоны имеют неоспоримое достоинство. Они дают любителям искусства, и даже художникам, возможность сравнивать, контролировать вкус.

В этом отношении, XX Салон национального общества изящных искусств содержит самую ценную информацию. Художники, выставляющие свои работы, это те художники, чьи работы публика ценит больше всего. Почти все обладают виртуозностью, качеством, прекрасно могущим заменить мастерство в нашу эпоху, когда нет недостатка ни в оригинальных талантах, ни в оригинальных теориях, но когда, зачастую, забывают о великих традициях.

Справедливо добавить, что в этом салоне мы заметим, тут и там, и в живописи, и в скульптуре, работы, считающиеся аутентичными у художников, задумавших их благодаря моральному здоровью и истинной дисциплине. В других местах, и это касается очень больших художников, мы угадываем тревожность, заботу о том, чтобы соперничать с мастерами, чьи картины висят в музеях, обязанных радовать всех тех, кто любит искусство.

Мы встречаем немного романтических работ, в худшем смысле этого слова. Рядом с иногда ошеломляющей элегантностью самых современных портретистов, влияние Пуссена, итальянских мастеров, Коро, придаёт этому салону скромное благородство, которое следует похвалить.

Сверх того, эта выставка имеет редкое достоинство: она ничуть не скучная. И мы проходим многочисленные залы без усталости.

Скульптура, в этом году, представлена несколькими первоклассными работами.

Толпа не поймёт, несомненно, всех научных изысканий, содержащихся в предметах искусства, присланных Роденом. Эти формы, на которых играет свет, указывают на несравненное мастерство.

Бурдель пытается придать стиль фрагментарному искусству Родена, и все будут поражены великими намерениями, содержащимися в его *Геркулесе, убивающем Стимфалийских птиц*. Мои предпочтения на стороне более сдержанного искусства Деспю, выставляющего чудо, к сожалению, незаконченное: бюст девочки из мрамора, в нём мы обнаружим единство плана и античную форму.

Влияние Деспю проявляется также в отличных партиях работ Кавайона, Влерика, и даже в работах Дривье и Джейн Пупеле. Будут также смотреть работы Дебуа, Валлера, Нидерхаузерна-Родо, бюст *Графа Монтеस्कью-Фезенсака* работы Рехберга, и фрагмент работы Бартоломе, символизм которой ускользает от нас.

Что касается живописи, мы застываем в восхищении перед живым светом картины *Утро*, смелой и триумфальной, Бенара. Жак Бланш выставляет, среди прочих чудесных картин, *Портрет герцогини Ратленда*. В нижнем этаже, серия заготовок, этюдов, фрагментов работ рассказывают о мастерстве этого известного живописца, и являются, в то же самое время, отличным уроком для рафинированного вкуса нашего времени.

Портреты знатных дам Гандара имеют немного выцветшую, немного грустную грацию, источающую большое очарование. Электризирующие портреты Болдини не могут быть более современными. Без любопытства будут смотреть на ретроспективную выставку Гийома Дюбюфа, на буржуазные портреты Даньяна-Бувере, на тёмно-красные фантазии Каролус-Дюрана. Пейзаж Жюля Фландрена делает большую честь этому художнику и немного диссонирует с античными пейзажами Рене Менара. Симониди прислал *Портрет поэта Вьеле-Гриффена*, а Каппьелло прислал *Портрет Анри де Ренье*. Мощные полотна Люсьена Симона контрастируют с эфирными персонажами Аман-Жана. По-настоящему плохо расположили партию картин Жюля Герена, заслуживающего лучшего.

В Гран-Пале Президент Республики открывает Салон национального общества

14 апреля.

ТЩАТЕЛЬНЫЙ ОСМОТР

ПРОГУЛКА К СКУЛЬПТОРАМ

РЕТРОСПЕКТИВНАЯ ВЫСТАВКА

Президент Республики и мадам Фальер, в сопровождении господина Рамонду, генерального секретаря президента, в два часа отправились в Гран-Пале, чтобы посетить Салон национального общества изящных искусств.

Глава государства был принят господами Дюжарден-Бомесом, вторым секретарём министерства изящных искусств; Роллом, президентом Национального общества изящных искусств; Каролус-Дюраном, Жаном Бери, Бенаром, Роденом и большим числом художественных деятелей, официальных и неофициальных.

Кортеж, сопровождаемый господином Дюжарден-Бомесом и господином Лепином, начинает осматривать залы, в которых представлена живопись.

Он останавливается перед картинами Симона, Анкетена и долго смотрит на *Портрет короля Швеции* работы Остермана, на полотна Жака Бланша.

После бокала шампанского в буфете и после того, как он прошёл, улыбаясь, перед картинами Буте де Монвеля, президент долго созерцал картину Бенара.

Господин Жан Бери представил работы и их авторов президенту.

Затем направились к скульптуре; там Огюст Роден воздал почести президенту, долго смотревшему на *Человеческую скорбь* Дебуа. Он остановился перед большой композицией из бронзы работы Бурделя, затем ему представили скульптора Ламурдедьё; он долго смотрел на скульптуры Родена, среди которых он узнал портрет герцога Рогана.

Господин Дюжарден-Бомес уже приступил утром к покупкам для государства.

Потом президент обошёл отдел декоративного искусства.

Стремительную прогулку, давшую нам вчера общее представление о Салоне 1910 года, мы начнём детально рассматривать сегодня.

ПАСТЕЛЬ ДЮФРЕНА

Я считаю необходимым, прежде всего, довести до Вашего сведения, что в зале нижнего этажа выставлена пастель. *Невинная Сюзанна*, работы Дюфрена, является одной из лучших картин Салона, и она оставляет далеко позади себя низкопробный ориентализм, к которому мы привыкли.

Теперь, будем действовать по порядку, и внимательно посмотрим на скульптуры.

РОДЕН, САМЫЙ ВЕЛИКИЙ СКУЛЬПТОР СОВРЕМЕННОСТИ

ВЛИЯНИЕ ДЕСПИО

БУРДЕЛЬ, МОЩНЫЙ ХУДОЖНИК

В данный момент, скульптура – это искусство, представленное более чистыми работами, чем живопись. Огюст Роден является мастером, вокруг которого собраны первоклассные скульпторы, некоторые, как Деспио, в свою очередь оказывают благотворное влияние на других.

Сегодня скульптура обладает достоинством, отсутствующим почти у всех живописцев, кроме, может быть, некоторых, не выставляющихся в официальных салонах. Это достоинство, Гёте называл его *мужественностью*, и определял его так: «Некая сила проникновения, в предыдущие века распространявшаяся на все искусства». Он называл его также характером, говоря, что «в искусстве поэзии характер – это всё».

Так, например, если мы созерцаем *Торсы женщины*, присланные Роденом в «Националь», мы не чувствуем только лишь виртуозность художника, но мы чувствуем также, насколько он мощный и в плане замысла, и в плане исполнения; так, например, энергичная чувственность оживляет бюст Деспио, и так мысль скульптора проникла во все части изваянного из мрамора лица.

Эту мощь художественного характера мы снова находим в партии работ Бурделя, сильного и одарённого стилем художника, но, возможно, не усвоившего лучших уроков Родена. Ему, по-видимому, понравились только фрагменты работы мастера. Со своим *Геркулесом лучником*, благородной работой, в ней есть прекрасное движение, Бурдель своевременно выставляет *Портрет Родена*. Думаю, что я могу заверить Вас в том, что нет никакого намёка в дате 15 апреля, дне открытия Салона.

В саду скульптуры, необходимо рассматривать, прежде всего, выставку собрания работ покойного Люсьена Шнегга. Это был прекрасный скульптор, мы многим ему обязаны; этот художник, в то же самое время, брал на себя труд быть ремесленником. Он указал путь большому числу молодых скульпторов. Многие его работы являются чистым искусством, как эта восхитительная бронза, представляющая голову Афродиты, как этот старик из камня, вызывающий в памяти воспоминание о Донателло; этот художник с очень французским талантом иногда напоминает Гудона. Люсьен Шнегг займёт важное место в истории искусства, и даже в тех работах, где он ещё не избавился от несовершенств дурного реализма, есть проявления истинной художественной неудовлетворённости.

Вернисаж в «Национале»

15 апреля.

БОЛЬШОЕ СТЕЧЕНИЕ НАРОДА ПРИ ОЧЕНЬ ПЛОХОЙ ПОГОДЕ

Несмотря на дождь, вернисаж XX Салона *Националя* был блестящим. Погода была хмурая, публика не заметила сегодня, насколько освещение Гран-Пале было лучше, чем год назад, но об этом можно будет судить при первых лучах солнца. И вот причина тому: витражи никто не чистил с 1900 года. Свет больше не проходил через них. Национальное общество изящных искусств, ценой больших расходов, заставило приступить к мытью этих витражей, грязных, как святой Лабр, и теперь свет дня снова проникает в Гран-Пале. Любопытство публики, прежде всего, направлено на скульптуру, о совершенстве которой я сообщил позавчера.

Если живопись и не предлагает в этом году в «Национале» ничего столь же интересного, как скульптура, то, тем не менее, мы встречаем немного хороших полотен.

БЕЛЛЕРИ-ДЕФОНТЕН. – ПРЕКРАСНЫЕ ДАМЫ ГАНДАРА. – АНРИ ЛЕБАСК

Зал I. Объединили определённое число работ покойного Беллери-Дефонтена. Отметят, особенно, полотно, названное *Среди друзей*: вечер у буржуазного художника, пьют чай, смотрят гравюры, мужчины курят трубки, у женщин такой вид, как будто им скучно, я предпочитаю портрет *Антуана Жоррана*. Живопись Беллери-Дефонтена не лишена достоинств, ценящихся в этом искусстве, но она скучная и грустная. Та же самая глубинная грусть обнаруживается в прекрасных дамах, написанных Гандара, его живопись не лишена изысканности и честности. Эти качества, объединённые с виртуозностью художника, заставляют сожалеть о том, что он не использует свой талант, чтобы служить истинному художественному идеалу. Ветер энтузиазма никогда не дул на этого печального живописца, обладающего немного холодной элегантностью. Можно пожелать, чтобы пришло ещё время, когда можно было бы сказать, как поётся в песне,

Ветер поднимает Гандара.

Зал II. Следует выделить выставку Анри Лебаска, блестящую и гармоничную. *Девочка с козой*, *Девочка за пианино*, *Молодая женщина в блузке*, *Девочка в жёлтом платье* – это полотна, в которых чувствительность художника совмещается со светом, вдохновляющим его. *Полдень фавна* Люсьена Моно далёк, очень далёк от восхитительной поэмы Малларме.

Что касается господина Леви-Дюрмэ, он, очевидно, забыл декорировать *Декоративное панно*, которое он выставляет; эти художники часто бывают такими рассеянными!

Зал III. *Геркулес у ног Омфалы*, Густава Куртуа, как нельзя более женоподобный. Эта плохая живопись, несомненно, понравилась принцу Эйленбургу.

Уместно ли довести до сведения публики, что господин Густав Куртуа является также любимым художником Анри Руссо Таможенника?

Зал III «б». Леонетто Капьяелло выставляет портрет, очень похожий на портрет *Анри де Ренье*. Поэт изображён в полный рост в пиджачном костюме. Его усы, ниспадающие на это лицо с пренебрежительным и мечтательным выражением, благодаря которому у тех, кто знал автора *Крылатой сандалии*, создаётся впечатление, что его тело остаётся рядом с Вами, а разум витает где-то в другом месте. Однако этот портрет несколько не уменьшает удовольствия, испытан-

ного мной при разглядывании на стенах Парижа, как будто из прошлого пришедших, милых и живых афиш, где речь идёт о лёгких ножках *единственного персонажа*.

Зал IV. Бернар Буте де Монвель выставляет большие портреты. Очевидно, он запомнился своими восхитительными гравюрами, на которых Калло представлял дворянство Лорейна. Однако этот шикарный господин, на площади Согласия, этот *Игрок в поло* всего лишь претенциозная карикатура. Можно улыбаться, проходя мимо, как сделал господин Фальер. Нужно, затем, надолго задержаться перед картинами Анкетена, они первоклассные. В них есть знание цвета рисунка, которое выше всяких похвал. Здесь имеет значение то, что при взгляде на эти полотна вспоминаешь такого-то или такого-то мастера древности или современности! Анкетен заботится только об их художественных достоинствах, и не без причины. Его *Ню*, его *Пейзажи* являются отменными живописными произведениями.

17 апреля.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРОМЕНАДА У ЖИВОПИСЦЕВ

Сегодня существует настоящая школа скульптуры. Один мастер, Роден, имеет учеников, исполняющих свою работу, подчиняясь его указаниям, учатся всему, что им необходимо знать, прежде чем стать, в свою очередь, мастерами.

Так, например, такой рабочий скульптурной мастерской, как Деспю, не упуская из виду ничего в своей профессии, может обдумать своё искусство. В живописи, напротив, мастеров больше нет, поскольку нет учеников, но есть художники без принципов, испытывающие на себе неопределённые влияния. По этой причине, за неимением мастерства, следует, иногда, хвалить в этой живописи, выставленной в «Национале», виртуозность и даже совершенную стилизацию.

Зал IV «а». Есть некоторая ирония господина Аман-Жана в том, чтобы назвать своё большое полотно: *Завтрак*. Мне хорошо известно, что приведения совсем не едят, а персонажи, которых пишет господин Аман-Жан, не те ли это бледные тени, обитатели лимба, где нет ни счастливых, ни несчастных, ни радостных, ни грустных? Применительно к художественному оформлению, подход господина Аман-Жана сносный. Улыбающиеся несчастные страдалцы, свадьбы больных чахоткой, вот сюжеты, которые он, без всяких сомнений, ценит больше других. Мне меньше нравятся его портреты *Больные интеллектуалы*. Выставка Люсьена Симона интересная. У этого сильного художника есть интуиции, открывающие ему некоторые секреты истинной живописи. Возможно, он просто с помощью музеев познакомился с самыми современными живописцами. Пять полотен, выставляемых им, интересны из-за тенденций, в них отраженных, но не по какой-нибудь ещё причине. Этот художник, если бы он понимал, что ему следует обновляться, не смог бы взяться за это дело. Виллет написал в этом году картину *Любовь и безумие*, в ней есть символизм, который достаточно трудно ухватить, но в котором обнаруживается весь дух этого художника, всё сентиментальное очарование, распространяемое им вокруг себя.

Зал V. Луи Жилло пишет элегантные индустриальные пейзажи: высокие печи, добычу угля для салонов богатых фабрикантов. Меня не удивляет, что этот живописец вернулся недавно из Англии, завоевав там большой успех. Он интерпретирует свои сюжеты с лёгкостью в исполнении и поверхностным шиком английской школы.

Арман Пуан выставляет *Триумфальную Венеру*, мастерское подражание, и выполненное в прекрасном стиле. Эти стилизации содержат полезные уроки, но здесь так много бесполезных работ!

Зал VI «б». Нужно посмотреть прекрасный спокойный пейзаж, в котором есть большое чувство, Жюля Фландрена. Это одно из лучших полотен Салона, и оно самое лучшее в этом зале. Эта картина, несмотря на то, что её поместили над дверью, нанесла-таки некоторый урон античным пейзажам Рене Менара. Буржуазные портреты Даньяна-Бувере столь же невыразительны, как и его *Офелия* из романа.

Зал VII. Симониди устроился на высокой вершине *Поэт Вьеле-Гриффен*. Уже знали изображение на монете автора *Фока садовник* работы Бланша. Полотно Симониди исполнено в большем масштабе, но в такой же деланной манере.

Зал VIII всецело посвящён ретроспективной выставке Гийома Дюбюфа. Расписывая свои плафоны, он плохо помнил о Тьеполо. О других его работах ничего сказать нельзя. Пусть земля будет ему пухом.

Зал IX, здесь смотрят, главным образом, на работы Мориса Дени, по моему мнению, они могли бы быть лучше. Я имею в виду, главным образом, с точки зрения исполнения. Тем не менее, его выставка одна из наиболее симпатичных в этом салоне, и есть утончённо религиозное чувство в его Христе посреди семьи художника, пишущего себя, созерцая эту трогательную сцену.

Зал X. Виды *Ночного Парижа*, работы Ле Сидане, подчёркивают виртуозность художника и томность его манеры письма. Тем не менее, эти подсвеченные туманы написаны со вкусом и не без знания живописи.

19 апреля.

КОНЕЦ ПРОМЕНАДА В ГРАН-ПАЛЕ

Следует поздравить господина Дюжардена-Бомеса, у него просвещённый вкус. Мраморный бюст девочки, выставленный Деспю в Салоне «Националя», был куплен государством. В новом музее Люксембурга мы снова увидим этот бюст, о достоинствах которого я сообщил ранее.

ЖАК БЛАНШ

Зал XI, Жак Бланш выставляет шесть картин, в которых проявляется эта англomanия, испортившая вкус стольких наших соотечественников. В нижнем этаже в одном зале собрали большое число эскизов, заготовок, неоконченных работ того же художника. В этом зале находятся: незаконченная рука графини де Ноайль, портрет романиста Томаса Гарди, портрет господина Бернштейна; в группе автомобилистов декоративного панно: *Авария*, узнаём господина Мориса Барреса. Англия завоевала важное место в искусстве. Во время выставки *Ста портретов*, публика не знала, как выразить своё восхищение в зале английских портретов, часто грубо исполненных, с плохим рисунком, написанных с вульгарностью, но также в непринуждённой и богатой аспектами манере. Видели даже снобов, рассеянно и почти презрительно проходящих зал, в котором висели французские портреты с их грацией и с их благородством. Фактически, англomanия столь же достойна сожаления в живописи, как и в языке, и не думает ли господин Бланш, что известные его работы могут совершенно быть похожими на язык тех, кто считает своим долгом говорить на французском языке, напичканном английскими словами? Впрочем, эти картины очень подходят для объяснения того, что такое рафинированный вкус нашего времени... Вот сюжет для диссертации бостонского учёного в году 2000: *Жак Бланш и элегантная литература его времени*.

Зал XIII, сладострастный и неестественный маньеризм господина Болдини не вызывает в сознании никакого другого художника. Но эти слишком элегантные портреты ничего общего с искусством не имеют.

Зал XV. Фотографический юмор Жана Вебера обновляется. Он выставляет в своей давней немного избитой манере: картины *Бродячий комедиант* и *Великаниша*, напоминающие Брейгеля достаточно сильно, настолько, что это замечают. Его новая манера, о которой свидетельствуют *Визиты* и *Палата заседаний*, более утончённая.

Зал XVI. Мне нравится новое полотно Люсьена Гриво, представляющее *Индийские каштаны* или парк с сухими листьями, с покрытыми мохом статуями, с водоёмами, тронутыми солнечными лучами:

Осень усеянная пятнами рыжего цвета,

господина Реймона Шармезона.

Зал XVIII. Как делал некогда Фрэнсис Джеймс, мадмуазель Жанна Дениз любит маленьких телят и пишет их с нежностью. Господин Андре Дошез выставляет спокойный пейзаж с хорошей композицией. Луиза Бреслау эволюционирует: партия её работ важна. Она выставляет *Рыжую кружевницу*, *Портрет женщины с коричневыми волосами в чёрном*, *Читающую женщину*, *Девочку, которая не хочет вставать с постели*. В этих картинах снова обнаруживаются, с большей силой, достоинства, принесшие этой художнице столько восхищения.

В архитектуре, организовали выставку собрания работ каталонского архитектора Гауди. Только бы наши архитекторы не вдохновлялись его фантазиями.

Прикладное искусство, которое должно было стать одной из основных забот Национального общества изящных искусств, откровенно плохое.

(*Энтрансижан.*)

Президент республики открывает Салон французских художников

30 апреля.

ВЫСТАВКА САМОГО ИНТЕРЕСНОГО ЧИСЛО ВЫСТАВЛЯЕМЫХ РАБОТ ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ

Президент Республики и мадам Фальер, в сопровождении господина Рамонду и командующего Барда, открыли, в десять часов, Салон французских художников в Гран-Пале.

Их приняли господа Думерг, Дюжарден-Бомес, де Сельве, Ленин, президент и члены административного совета.

Обзор залов начался тотчас же.

Вот уже два или три дня я созерцаю незабываемый спектакль, предлагаемый Гран-Пале в течение установки скульптурных работ. Это хаос из мрамора и гипса. Ещё неготовые статуи, рабочие скульптурных мастерских в бумажных пилотках, грузовики, лошади, художники в классическом костюме мазил, которого не увидишь ни на ком, кроме «Французских художников», составляли причудливое собрание, не лишённое величия...

Моё внимание отвлекло прибытие маленькой группы важных особ, одетых в чёрное и носящих на головах высокие шляпы. Во главе них шагал крепкий человек, в быстрой походке которого было что-то скачкообразное. Он часто оборачивался, выкрикивая своим компаньонам короткие фразы на английском... Когда он издал шипящий звук, он сделал необычную гримасу, заставив свой рот принять магическую форму гексаграммы. И эта ярко-красная открытая шестиконечная звезда над неплотными и готовыми укусить зубами ещё лучше обнаружила для меня, чем американский акцент, кто эта важная особа. То был президент Рузвельт собственной персоной, который несёт на своём лице, когда он того захочет, звёздный символ Соединённых Штатов Америки. Иногда Рузвельт останавливал свою группу образцовых янки, к которой примешались суровые физиономии членов Института. Он обращался с речами ко всему этому народу на английском, жестикулировал, и, с помощью своих перчаток, энергично хлопал правой рукой левую руку... После того, как он несколько мгновений смотрел на мраморную группу, выполненную американским скульптором Барнардом для парадного входа Дворца законодательного собрания Пенсильвании, президент Рузвельт обернулся и, обращаясь, на этот раз, к членам Института, старавшимся улыбаться, сказал им по-французски:

– Господа, я сожалею о том, что недостаточно хорошо знаю французский язык, чтобы поделиться с Вами художественными впечатлениями, которые я испытал во время этого визита. Я скажу только, что всё, что я видел... это действительно восхитительно!

Затем он прокричал несколько фраз на английском, позволил ещё два или три раза появиться на своём лице одной из звёзд Штатов и тотчас же уехал на автомобиле...

Никакое описание, никакое объяснение не могло бы лучше характеризовать этот 128-й Салон Общества французских художников, чем это восклицание, обязанное своему возникновению лаконичному красноречию президента Рузвельта:

«Это действительно восхитительно!...»

«ФРАНЦУЗСКИЕ ХУДОЖНИКИ» И «НАЦИОНАЛЬ»

С самого начала поразило колоссальное количество выставленных работ; работ всех разновидностей, включающих большие исторические картины и искусственные цветы, монументальный фонтан и миниатюру на слоновой кости. Ещё больше поражает то, что это собрание, не лишённое детских и бесполезных работ, содержит больше полезных уроков, в целом, чем маньеризм, господствующий в «Национале», где выставлены модные работы изобразительного искусства, тогда как здесь почти всё кажется вышедшим из моды.

Англомания, являющаяся одним из художественных безумств нашего времени, проявляется здесь с большей скромностью, чем где бы то ни было ещё, кроме Салона независимых.

Демократической живописи не видно нигде, кроме «Французских художников». Несчастный случай на производстве является очень востребованной темой в этом году.

Новаторский дух несколько раз себя проявил, но не следует тревожиться по этому поводу; не говорили ли мне, что господин Комерр собственной персоной сошёл, некогда, за революционера в искусстве.

Портреты редки, в особенности, портреты женщин. Похоже, покупатели перешли в «Националь», где выставляются все художники, не сделавшие элегантность своей специальностью.

Что характерно для «Французских художников», это, несмотря ни на что, художественная честность. Данное качество важно среди прочих качеств, но оно одно не может заменить все остальные. Большинство этих художников отстают; если почти все и научились началам своего искусства, они, кажется, игнорируют жизнь и само прекрасное в работах, выставляющихся в музеях... И вот люди искренние, искусные в своём деле, слишком часто бывают обречёнными на пожизненную заурядность.

У «Французских художников» сорок три зала живописи, не считая балконов, не считая залов подвального этажа, не считая скульптуры и архитектуры.

[1^е мая.]

Вернисаж Салона был, в этом году, столь же блестящим, как и всегда, начиная с 1673 года, даты основания Общества французских художников.

Прекрасные дамы, хорошо одетые господа, академики, генералы, художники, модели, буржуа, литераторы и синие чулки останавливались перед *Тираном Жона*, перед полотнами *Детайля*, *Монумент Ферри* и т. д. Несмотря на неопределённость погоды, было много светлых туалетов. Показывали друг другу оригиналы портретов, и сплетничали, сплетничали...

Литератору очень приятно прогуливаться по Салону французских художников. История его научила, что есть наиболее привлекательная форма, а именно: форма образов; весёлые или грустные анекдоты, вдохновлявшие живописцев, с таким же успехом могут соблазнить воображение романиста и драматурга; археолог и историк могут констатировать, насколько правильно художники воспроизвели знаменитые места или воссоздали одеяние героя.

Я знал одного человека, у которого была репутация дивного собеседника. Каждый год он дважды или трижды посещал «Французских художников». Там он черпал пищу для своих бесед вплоть до последней весны, и заметьте, что этот умный человек остерегался братья за вопросы современности. Другие салоны не предоставляют этого преимущества.

Критик искусства должен здесь ограничить свою роль почти только лишь объяснением выставленных работ. Выполненные в соответствии с обоснованными принципами, они ускользают от критики, но вдохновения и изобретательности часто недостаёт, и редко они заслуживают похвал.

В первом зале останутся сразу же перед большим полотном, на котором господин Беренгье представил *Муниципальное голосование 3 февраля 1793 года в Клиши-ла-Гаренн*. Это маленькая история для всего мира, но жители Клиши-ла-Гаренн, должно быть, по праву придают большую важность этому событию.

На картине *Импровизация* господина Тессье изображена молодая женщина, играющая на скрипке в деревне в сумеречный час. Это забавно...

Смерть Анри Реньо работы Фредерика Леве написана энергично. Это одно из впечатляющих полотен этого салона, где художники, не колеблясь, выставляют картины с устрашающими сюжетами. Здесь мы имеем искусство, эквивалентное тому, что называется мелодрамой в драматическом искусстве. Однако полотно господина Фредерика Леве, исполненное в сдержанной манере с ограниченным числом персонажей, не укладывается в эту оценку. Господин Оранж имел быстрый успех с картиной *Стрелки гвардии, атакующие народ на улице Алькалы, 2 мая 1808 года*.

Господин Ансельмо Буччи дал название *Молодость* превосходной картине, на которой молодая женщина в кофте и юная девушка в красном корсаже, в платье с фиолетовыми цветами, собирают гранаты. Вот она, по моему мнению, одна из лучших картин Салона.

Зал II, мы встречаем первый пример этой демократической живописи, которая в изобилии имеется во «Французских художниках». Господин Жюль Адлер представил на картине коренастых рабочих-загрузчиков в картине *Интерьер механической фабрики по производству бутылок*.

Зал III, здесь находится прекрасная картина господина Обри, названная *Полдень*. Множество молодых женщин собираются искупаться. Одна всё ещё полуобнажена, служанка ей вытирает ноги. Эта композиция не лишена очарования, сладострастного очарования современного *Декамерона*.

Господин Балестриери, работы которого были отмечены народными знаками уважения в виде тысяч экземпляров репродукций, предлагает нам, со своей картиной *Работы в метро*, другой аспект демократической живописи, о которой я говорил.

С состраданием останутся перед портретом, очень напоминающим Жана Ришпена, работы Марсея Баше. На поэте красный халат, и многие посетители не преминули принять его за кардинала.

В зале IV, господин Джозеф Бейл выставляет картину *Кухня богадельни Бона*, в которой живописец показывает привычную виртуозность, с какой он пишет с натуры кожу, воду, овощи и все, что существует. Однако средневековое чувство, оживляющее богадельню Бона, не кажется в этом полотне слишком осознанным. Нужно быть поэтом, чтобы это перевести.

Два забавных полотна господина Бриспо останавливают тех, кто любит хорошую шутку. Одно из этих полотен представляет *Рассказ капитана*, сцена, в которой собрано множество кардиналов. (Кардинал играет важную роль во «Французских художниках».) Другая картина названа *Отдых в конце недели*, сюжет демократический: честный рабочий в рубашке с рукавами несёт на руках своего мальчугана, и за ним следует его жена, они выходят в сумерках из Буа через Порт-Дофин:

Воскресенья Парижа, как вы грустны!

3 мая.

Больше не пишут о параллелях. Жалко. Было бы пикантно установить их между Салонном французских художников и Салонном независимых, между «Националом» и Осенним салоном...

Наша прогулка среди картин привела нас в зал V, где выставлены почтенные работы господина Леона Комерра, его принимали, как я слышал, за ужасного революционера. Боже правый, когда это было! Господин Комерр писал нимф, бывших слишком далёкими потомками богов, дриад, не забывших грубую кору, под которой они родились. *Венецианский канал* господина Мориса Бомпара является, по моему мнению, лучшей картиной этого зала. Очень высоко поместили прекрасную марину Гриббла, исполненную во вкусе прошлых времён. Готовится морское сражение... тревога... судна высокобортные. Эти картины всегда производят хорошее впечатление в музеях маленьких городов, в голландских гостиницах и даже в частных коллекциях. Меня изумляет, что морское сражение – это редко используемый сюжет. Верно, что он требует от художника больших усилий в плане композиции и роскошных художественных дарований.

Зал VI, мы находим здесь картину *Тиран*, её считают гвоздём салона. Я могу повторить только то, что я говорил в первый день: я плохо понял смысл этой аллегии. В день вернисажа придумали очень забавную игру, состоявшую в том, чтобы спрашивать встреченных Вами людей: «Кто такой тиран?», и оспаривать полученный Вами ответ. Ужасная шутка, в которой есть что-то афинское... Но будьте уверены, что весь Париж будет играть в игру под названием тиран. Полотно господина Жона не поддаётся объяснению; там есть трибун в красном галстуке, бельгийский офицер, мясники, конная статуя, бронзовый наездник которой лежит, разбитый, на земле, меж тем, как какой-то проходимец оседлал животное. Это ещё и демократическая живопись, в ней смешаны бессодержательная философия и туманный символизм, что заставляет думать о Вирце. Картина *Выздоровление* господина Декюде одновременно соперничает с Каррьером и с Метерлинком. Он думает, что преуспее в этом, придав своим персонажам потерянный вид, как у персонажей Аман-Жана. Три образа действия – это слишком много для одного человека.

Зал VII, вечные купающиеся девушки господина Поля Шабаса в этом году окунали свои прелести в озеро Аннеси.

Лавочка голландского цирюльника, написанная господином Бенедито, хорошо представляет прекрасно реалистичные цвета. Это отличный документ о голландских атрибутах, как то серьги, медные тазики для бритья, паркет, сабо и лицо, – всё блестит чистотой. Костюмы, я думаю, из Волендама, но данная сцена достойна того, чтобы войти в *Брук в Вотерланде*, обитатели которого, как уверяют, самые опрятные люди в мире.

Зал IX Господин Ави показывает нам молодых девушек, пьющих шампанское. Картина называется *Буфет*. Она предназначена, несомненно, для бальной комнаты. Господин Артю ШАПЛЕН называет *Тайна это свет* картину, на которой изображён белокурый человек, уже мужественный, но ещё сохранивший всю свежесть юности. Звёзды, кажется, вращаются вдалеке подобно снопам искр в фейерверках. Бледный свет, похожий на тот, что едва освещает лимб, растекается по работе господина ШАПЛЕНА, придавая ей мистический вид.

4 мая.

Как же модель испортила талант многого множества живописцев, выставляющих свои работы во «Французских художниках», кто захотел бы сомневаться в этом? Если способности большинства их позволяют им писать с большим или меньшим правдоподобием модель или природу, сколько из них неспособны самостоятельно создать модель или природу, которая была бы выражением их искусства!

Зал XI, большая композиция господина Эдуарда Детайля: *Улица Малого моста 29 июля 1830 года в момент, когда трёхцветные знамёна, появившись на башнях Нотр Дам, сообщили защитникам свободы о конце борьбы*, и, в своём роде, это очень успешная работа, некоторые говорили, что даже слишком успешная. Изумительный талант, невероятное терпение были

затрачены на эту картину. Это доведённое до крайности искусство создавать изображение, создающее иллюзию реальности: настоящий дым, совершенным образом воссозданные дома, более чем правдоподобные позы. Создаётся впечатление не только участия в этой сцене, но и есть ощущение её панорамы. Конечно, цвет не отличается богатством, но вся картина в целом одухотворённая, исполненная хорошего настроения. Эту радость, её чувствуешь во всех деталях композиции, начиная с этого щёголя, в фиолетовых панталонах, зелёном сюртуке, канареечного цвета жилете, на первом плане, умершего на матрасе, до студента политехнической школы, опирающегося на баррикаду, стоя рядом с уличным мальчишкой. Возможно, будущее распознает лиризм этой работы. Несомненно, оно обнаружит редкое ощущение живописного, которое не лишено сдержанности. Должен ли я добавить, что всё это не соответствует моему представлению об искусстве? Но есть достоинства живости и точности, драгоценные и истинно французскими, среди прочих достоинств этой картины. У таких полотен, как всегда, бывают свои подобиya в песнях Беранже.

Напротив, *Пострадавшие во время наводнения* работы Шокарн-Моро, относится к менее подлинному народному искусству: жалостливый романс, тянущийся в почти правильных стихах и тщетно пытающийся соперничать с грустной народной песней. Господин Дойч написал свою *Барку на Ниле*, полную арбузов, чтобы показать, каких благодетелей можно ожидать от наводнения, когда к нему привыкли, и когда знают, как его можно использовать для своей пользы. Чувство похвальное, живопись удовлетворительная.

Зал XII, обнаруживаем ещё одну большую композицию господина Детайля, в которой мы снова находим присущие ему качества. Орас Верне был менее цельным. Он метил выше, его живопись была менее упорядоченной. Может быть, его воображение не смогло предоставить ему сцены столь же театральной. В этой картине *Похоронная служба генерала Даремонта у стен Константина* есть что-то трогательное. Совершенно чёрный гроб, священник, который произносит молитву без подобающего облачения, держится за нечто вроде пирамиды, сооружённой из мешков. Это минута возношения даров, зуавы в зелёных тюрбанах преклонили колено, офицеры наклонились в поклоне, меж тем, как священник возносит к небу Святые Дары, над алтарём, сооружённом из барабанов. В композиции есть нечто, что может нравиться...

Господин Девамбез вроде Гулливера, и он живёт в течение нескольких лет в Лилипутии, где, по-видимому, аэропланы совершают учебные полёты в местечке под названием *Порт-Авьасьон*. Также в столице королевства есть Эйфелева башня такой высоты, что жители с неё кажутся не больше блох знаменитой укротительницы мадам Стенегри. Господин Девамбез, умеющий быть забавным, завоевал приличный успех. Упомянем *Портрет мадам Г. П.*, работы А. Калбе, приятный образ, только его название смущает, Г. П. чаще всего означает лошадиную силу, и ему, как правило, предшествует цифра, которая обозначает количество лошадей.

Зал XIII, господин Бонна выставил два портрета: *Мадам Исидоры Леруа* и экономиста *Эдмона Тери*. Их невозможно было сделать более похожими на себя. Однако я признаю, что эти портреты, как и множество других, я отдал бы за рисунок Рембрандта, принадлежащий господину Бонна, и который он мне давал посмотреть, когда была его выставка в Лейдене, в 1907 году. Тот, кто собрал подобную коллекцию, является человеком с очень правильным вкусом.

Эдит в воротнике из лебединых перьев, обнаруживающая тело Гарольда в лесу Эппинга, рядом с аббатством Уолтема, после битвы при Гастингсе, заставляет вспомнить строки Гейне:

Эдит в воротнике из лебединых перьев нашла
Тело короля
Она не сказала ни слова и, не плача,
Она опустила бледное лицо.

Зал XVI, *Капитуляция Йорктауна*, работы Жана-Поля Лорана, заказ американского государства, предназначенный для Дворца правосудия в Балтиморе, забавный, но он имеет приводящую в замешательство композицию. Справа пусто, тогда как слева представлены сомкнутые ряды английских солдат в красной униформе. Следует отдать предпочтение, по сравнению с этой миниатюрой больших пропорций, маленькому полотну того же художника, выставленному в зале XVII! Действие разворачивается в средние века, в церкви юная девушка объясняет христианскую историю детям.

Зал XVIII. Чтобы его не перепутали с Анри Матиссом, господин Матисс-Огюст пишет мрачные картины. Господин Ярц показывает нам время жатвы: мнимый импрессионизм.

Зал XXI, два хороших портрета работы Франсуа Фламенга соседствуют с деревом Арпиньи. Эта хорошая картина воскрешает в памяти всю Барбизонскую школу, и отлично демонстрирует нам, что лиризм должен обновляться с каждым поколением.

Зал XXII посвящён пацифистам. Господин Д'Эстурнель де Констан поступит правильно, если детально его исследует, он заслуживает его похвалы. Умбер Виньоль показывает нам ужасы забастовки. Господин Шиго выставляет украшение для Дворца Мира в Ла Эй. Этот заказ государства будет продублирован администрацией, которую голландцы публично признают за Полем Поттером. Они довольны. Дальше будет ярмарка с гуляньем. Уже можно это увидеть в картине господина Аникотта, в картине пылкой, радостной, простой, одним словом, исполненной всяческих достоинств и лучшей картине Салона. Искусство господина Стэнхоупа Форбса пацифистское. Его картина, демократичная живопись в американской манере, удостоилась упоминания в Институте Карнеги.

Зал XXV, господин Шабанн де Ла Паслис рассказывает нам один из этих ужасных анекдотов, как и слишком большое число живописцев во «Французских художниках», он несколько не боится нам их рассказывать. С какой целью, Сеньор! Здесь история взята из *Почтовый Сайгона*. Два боксёра в нём герои, а две француженки несчастные героини. Господин Леконт дю Ноуи пишет во славу Венеры, и мы припоминаем имена тех, кто пел или писали о Венере: Байрон, Мюссе, Жорж Санд, Раскин, Веронезе, Тьеполо, Зим, и т. д. Поскольку ныне живущие являются частью этого списка, почему бы не принимать в расчёт имя господина Барреса.

ОКОНЧАНИЕ ПРОГУЛКИ У ЖИВОПИСЦЕВ

5 мая.

Вот мы в XXVI-м зале Салона...

Мадмуазель Морстадт восхищается живописью Англада, и вспоминает о ней даже тогда, когда пишет меринотов. Мадмуазель Морстадт ищет себя, не зная ещё, какое употребление найти всем своим достоинствам. Господин Луар-Луиджи прислал, как всегда, виды Парижа, к которым он, разумеется, прибавил сцену наводнения.

Вот зал XXVII, демократическая живопись господина Жюля Паже: бурлаки тянут шаланду с углем, которая, на этот счёт не сомневайтесь, никогда не превратится в пьяный корабль. Господин Рожер выставляет ещё более демократичную картину, если это только возможно, чем господин Паже: *Несчастный случай на работе*. Глядя на *Речных полицейских и собаку-спасателя* господина Поля Леграна испытываешь чувство истинной гордости, что живёшь в городе, где полиция существует в столь различных формах.

В зале XXVIII Господин Фернан Саббате, написал вид улицы, на которой я живу в течение наводнения, я не нахожу, увы! дома, где я проживаю. Художник им пренебрёг.

Зал XXX важен, там мы обнаруживаем картину *Процессия в Испании* Тито Саласа. Это полотно было приобретено государством, и это хорошо показывает великодушные, которое

царит в изящных искусствах. Здесь защищают религиозную живопись так же, как и всякую другую... В обнажённой женщине господина Альбера Лорана нет ничего занимательного. Господин Жан Патрико выставляет портрет *Патриота*, завёрнутого в складки трёхцветного флага. Чувство возвышенное, живопись слабая. Не сожалеет ли господин Патрико о тех временах, когда он гравировал, придавая Гюставу Моро истинный стиль, который исходил, возможно, в большей степени от гравёра, чем от живописца?

Я сообщаю о пламенном идеализме господина Марсея-Беронно, у *Саломеи* которого такой вид, как если бы она сожалела о расставании с хорошим царём Иродом, палачом невинных, плохо кончившем в Лионе...

Залом XXXIII очень восхищались американцы. Несколько немцев тоже выразили своё благоговение перед выставленными там картинами. Господин Макс Нордау долго созерцал и долго комментировал на английском языке карандашный набросок господина Горге для гобелена, предназначенного для здания суда в Ренне, и который должны изготовить на мануфактуре гобеленов. Могли бы, наверное, заставить их изготовить что-нибудь другое... Господин Веисон выставляет огромный триптих, рассказывающий трогательную легенду святого Генса, покровителя Конта-Венессена. На первой створке триптиха святой Генс удит рыбу с пастухами. В середине, святой Генс пашет. В его плуг запряжены бык и волк, птицы расположились на плечах блаженного. На последней створке святой Генс спит вечным сном в могиле, которую он выдолбил в скале, и наверху его волк, в отчаянии, воеет на луну.

В залах XXXIV и XXXV *Саламбо* господина Сюрана, дающая повод для насмешек. Но мне очень нравится манера, в которой господин Корабёф вспоминает об Энгре. Однако господин Корабёф должен был испытать свой талант, создав, в прошлом году, одно ню и один портрет.

Венеция XVIII-го века, господина Сен-Жерме, вызывает в памяти Казанову и его амурных монашек.

Зал XXXVI, злосчастный *Икар* господина Стика не заставит нас, я надеюсь, поверить, что искусство в Польше действительно таково.

Зал XXXVII, господин Сюо написал самого себя вместе со своими детьми, один из которых построил карточный домик. Серьёзная картина, вызывающая в сознании самую серьёзную из басен Флориана, ту, мораль которой распространяется таким правдивым и таким непредсказуемым образом на завоевателей и на основателей империи.

Зал XXXVIII, в нём картина Паско: *Платье в цветных узорах*. Это роскошно и изыскано, и название картины скрывает тайну, позволяющую разгадать висящую по соседству большую картину работы господина Зингга... Не припоминаете ли Вы, что это слово, которое должен был употреблять только господин Ростан, находится в *Орлёнке*, где оно служит одновременно рифмой и ономастопеей... И теперь Вы знаете столько же, сколько знаю я о *Платье в цветных узорах* господина Паско...

Определённо, картины господ Жана и Таде Стика поместили почти во все залы. Вот ещё одна.

Зал XL, фатальным образом здесь оказалась ещё одна картина Стика... Вам нужен реванш в живописи, господа поляки!

Залы XLI, XLII и XLIII Господин аббат Ван Холлебеке показывает нам священника, покидающего своего пресвитера в картине *После расставания*. Это волнующее полотно, и оно единственное относится к этому большому религиозному событию. Я усиленно рекомендую государству купить это полотно и поместить его в Люксембурге. Это документ и живописный этюд, выполненный очень кстати.

АКВАРЕЛИ, МИНИАТЮРЫ, РИСУНКИ

ГРАВЮРЫ, ВИТРАЖИ

ПРЕДМЕТЫ ИСКУССТВА, АРХИТЕКТУРА

7 мая.

Акварели, пастели или другие рисунки, миниатюры, гравюры, предметы искусства здесь в таком большом количестве, что критик искусства должен отказаться от того, чтобы дать им детальное объяснение с риском перегрузить журнал, который печатает его статьи.

Впрочем, всё, что не является скульптурой или живописью, в Салоне французских художников, до некоторой степени оставлено без внимания. Это, так сказать, беспорядок, в котором встречаются пастели, миниатюры, гравюры.

Мадмуазель Гортензия Ришар пишет модернистские миниатюры, портрет водителя за рулём своего автомобиля. Миниатюры мадмуазель Жанны Леви пропитаны мистицизмом, не кажущимся поверхностным. Мадмуазель Тереза Мартен показывает большую искусность в кропотливой работе над миниатюрой.

Господин Корабёф, обладающий всеми талантами, также блестяще делает цветные офорты. Следует отметить литографии Альберта Вебера и полихромные гравюры по дереву Вибера. В этот момент мы имеем возрождение гравюры по дереву. Много талантливых художников пытаются сделать так, чтобы снова была в почёте эта истинная форма художественной иллюстрации книги. Однако ни один салон не показывал ещё этого публике.

СКУЛЬПТУРА

Скульптура хорошо размещена во «Французских художниках». В других местах, до этого года, не видели Салона, содержащего столь большое число колоссальных статуй, гигантских монументов.

Того, что Франция переживает возрождение скульптуры, невозможно отрицать. Однако следует полностью признать, что собрание скульптур столь неудачно выставленных в тёмных вестибюлях *Националя* в высшей степени свидетельствует о том, что мы видим здесь истинные доказательства этого возрождения.

Направимся же быстрее в белую толпу статуй. Вот *Епископ* Ипполита Лефевра, и его митра монументальных размеров. Животные Гарде и, в особенности, его гигантские *Олени*, по моему мнению, являются самой важной партией работ в салоне скульптуры.

Как в «Национале», здешние молодые скульпторы показывают тенденцию к экспрессивной простоте. По этому поводу следует упомянуть *Старух* Никлосса. Однако лицо кажется выполненным в другой технике, чем всё остальное. Эта самая тенденция приводит к тому, что к хорошим художникам начинают относиться пренебрежительно. *До свидания!* господина Рожера Блоха, *Скрипач* Ф. Давида могут служить примерами этому.

Всем будет казаться, что монумент *Мустафы Паши Кемала* несёт в себе эстетику, неожиданную для большого египетского сфинкса. О нем будут судачить ровно сорок один век, простирающийся над ним.

Господин Ландовский – скульптор с сильным видением, он выставляет памятник *Анонимам*, государство, исполненное заботы о великих людях, даже неизвестных, собирается водрузить его в Пантеоне, что, несомненно, очень порадует заинтересованных.

Господин Барнард является официальным американским скульптором. Штат Пенсильвания заказал ему две группы, которые будут помещены у входа во Дворец Законодательного Собрания. Господин Барнард назвал свои работы *Человеческая жизнь*, и у него есть на то причины, потому что там много несоответствий. Но что скажет господин Пенн и его квакеры о таком количестве обнажённых?

Господин Шарль Перрон отдаётся работе над полихромной скульптурой, и его *Металлы ядра*, являющаяся воспоминанием о карнавалах в Перу, художественными средствами переводит игру, практиковавшуюся в Испании во времена мавров, когда бросали

Альканси, полные пепла или цветов

или ещё духов. Их продолжают использовать в Перу.

(*Энтрансижан.*)

Жизнь художников

11 мая.

ВЫСТАВКА КАРТИН ГОГЕНА

Среди странных личностей, которых было так много в XIX-м веке, нет более таинственной, чем Поль Гоген, который, из Парижской биржи, отправился умирать в дикую хижину на Маркизских островах.

Все свои картины, написанные в Бретани, в Арле, на Таити, на Маркизских островах, исполнены им в одном и том же духе набожности.

Литургическая живопись, в которой цвета имеют символический смысл, удваивающий их декоративную привлекательность, работа наиболее религиозного из современных живописцев первая противопоставит себя импрессионизму, к сожалению, всё ещё господствующему не только в изобразительных искусствах, но также и в современной литературе.

Господин Воллар выставляет в данный момент на улице Лаффитт пятнадцать картин Гогена, выбранных из лучших работ каждого периода его творчества.

Откровенно говоря, набожность Гогена по отношению к своему искусству никогда не изменяется. Цельность его работы замечательна. У этого живописца нет ни множества манер, ни множества творческих периодов, но есть единственная манера письма, которая оставалась неизменной, хотя неоднократно он пытался, уезжая, изменить сюжет своих картин и изображать на них людей другой расы.

Его пейзажи Бретани или Маркизских островов являются интерпретациями единственного чувства художественного благоговения перед декоративной и постоянно обновляющейся прелестью природы. Его композиции Океании не более религиозны, чем картины Бретани, как эта картина *Борьба Иакова с ангелом*, восхитительного рисунка, колорита столь энергичного и звучного, так сказать, победы Святой Троицы...

Картины Гогена были выставлены в Люксембурге, у них есть полное право быть выставленными в Лувре, куда должно поместить эти гармоничные работы человека, который ради своего искусства «находил удовольствие, – говорит Шарль Морис, – в скорби и во всех скорбях».

С этими высочайшими достоинствами, которые, несомненно, поставят его в один ряд с самыми великими художниками, Поль Гоген вернётся к границам человечности, чтобы раскрыть божественную чистоту искусства...

13 мая.

ВО ДВОРЦЕ БАГАТЕЛЬ. – ЗАВТРА ОТКРОЮТ РЕТРОСПЕКТИВНУЮ ВЫСТАВКУ ПОРТРЕТОВ ДЕТЕЙ И ИГРУШЕК

Знаменитые дети!... Эти слова вызывали в нашем сознании, когда сами мы были детьми, славу, частью которой, как нам казалось, нельзя не быть, из-за изумления наших учителей, из-за нежной радости наших матерей.

Кто из нас никогда не мечтал быть таким же отважным, как тот юный спартаец, позволившему лисёнку, которого он укрывал, обглодать ему живот?... Кто из нас не видел себя на месте Бара, бьющего в барабан?... В нашем воображении мы помещали себя в отчаянную ситу-

ацию несчастного и таинственного Гаспара Хаузера... И так до этого бедного карлика короля Лотарингии, при воспоминаниях о котором мы упражнялись в том, чтобы состязаться в доброжелательности...

Знаменитые дети!... Их портреты были объединены в Багатели усилиями Национального общества изящных искусств. Это очаровательная идея, поместить вместе все эти мордашки, с этих картин дети прошлого будут смотреть, меланхолично улыбаясь...

В прошлом дети, учившиеся жизни по восхитительным и ужасным историям мадам графини де Сегюр, урождённой Ростопчиной, и по изумительным и реалистическим романам Жюль Верна, Вы будете искать объяснения неподвижному взгляду этих детей прошедших времён, читавших работы мадам де Жанлис или графа де Буйи, ипохондрика.

С какой тревогой о неопределённом будущем смотрели со всех этих портретов дети времён Луи XVI и, в особенности, Дофина, судьба которых до сих пор для всех остаётся загадкой!...

Рафинированность, в высшей степени способная довести до предела эмоцию посетителей, заставила объединиться, одновременно с различными портретами королевских детей, портреты детей императоров, судьба которых была не менее трагичной.

Король Рима Прудона, Изабей, Бенуа и Рожера, кажется, улыбается *Дофину*, которого писали Друэ, Грёз...

Луи XVII и Наполеон II правят здесь деликатным и очаровательным детским народом, со времён их правления и до наших дней. Вот пастели XVIII-го века, вот полотна Грёза, Фрагонара, Дроллинга. Вот *Герцог Орлеанский* Грёза, *Герцог Бордо* Дюбуа-Драоне и Эрсана. Вот постель Ла Тура, на которой представлен *Племянник Пигаля*, *Меттерних анфант* работы Лоуренса. Вот *Дети Мюрата* работы Энгра.

Вот современные дети, большинство которых всё ещё живы. Следует вскользь упомянуть, с каким искусством Ренуар мог выразить грацию, свежесть и шаловливую невинность детей.

Одновременно с портретами этих детей прошедших времён, выставляют их драгоценные и очаровательные игрушки. Какие добрые люди под Новый год, в разукрашенных и таких немодных костюмах, какие Деда Морозы прошлого режима приносили детям короля игрушки для богатых детей, слишком роскошные игрушки, специально созданные для участия в ретроспективной выставке?

И, между тем, знаменитые дети недавнего прошлого имели также игрушки, с которыми они могли играть, недорогие игрушки, которые разбивали, *чтобы посмотреть, что там внутри!*

7 июня.

ВЫСТАВКА КАРТИН ЖОРЖА ДЕВАЛЬЕРА

Среди мастеров, преподающих в Школе изящных искусств, Гюстав Моро тот, чьи уроки сформируют, несомненно, большинство художников-новаторов.

Никто из учеников Гюстава Моро не проявляет большего внимания к новаторству в изобразительном искусстве, чем господин Жорж Девальер. Можно даже опасаться, что он дойдёт до этого плохого модерна, полагающего в качестве единственной цели искусства выражение современной жизни. Именно эта цель является последней заботой Гюстава Моро. Сегодня он общается с малым числом живописцев. Эти интересы пришли к ним от художников-импрессионистов, унаследовавших их от художников-романтиков, и мы находим их истоки в этой стра-

сти к правдоподобию, к разумному, одной из самых оправданных страстей, которые питали французские умы.

Однако есть право думать, что это чувство правды жизни, такое похвальное, было ложным. Каждая работа искусства должна находить не только в мимолётных явлениях современной жизни, но в себе самой свою логику, своё правдоподобие.

Весь талант, весь рассудок, все усилия господина Девальера, кажется, вбиралась, до сего момента, этой бесполезной примирительностью его искусства, возникшей вместе с современными аспектами природы. Хотелось бы, чтобы настоящее меньше волновало художника столь щедро одарённого.

(Энтрансижан.)

Бенджамин Рабье

До того, как я познакомился с Бенджамином Рабье, я думал, что он был горбатым, как Эзоп, и рассеянным, как Лафонтен. Неверно ни то, ни другое. Эти недостатки, полезные для литераторов, так как они делают и рабом Ксанфа, и другом сюринтенданта Фуке, очень стесняли бы рисовальщика. Стройность Бенджамина Рабье не испорчена никакой горбатостью. Его самые живые забавы служат тому, чтобы изучать физиономии и жесты животных, начиная с называемых низшими, и заканчивая человеком и автобусом, этим животным, стоящим выше всех остальных.

Впрочем, несмотря на очень заметные отличия, художник, который нас занимает, больше чем одной чертой напоминает двух баснописцев, и, прежде всего, потому что, если они пишут басни, то он их изображает.

Меня уверяли, – но часто пытаются заставить поверить во всякие небылицы, – что у Бенджамина Рабье была собака, язык которой он превосходно понимал.

Это животное редкого ума задалось, по-видимому, тем, чтобы обзавестись друзьями среди собак, и чтобы сообщать своему хозяину кучу историй, одна невероятней другой, о снеговиках, об Азоре, о Медоре или Бриффо, о матушке Гусыне и даже о Шантеклер...

Правду ли мне сказали?... Верно то, что никто лучше чем Бенджамин Рабье, кажется, не осведомлён обо всём том, что происходит с животными, никто не рисовал и не рисует сейчас лучше него сцены из их почти человеческой жизни...

С живым интересом будет смотреть публика на эти первые выставки акварелей самого одухотворённого из наших анималистов.

(Предисловие к Каталогу выставки Бенджамина Рабье, неопубликованные акварели, с 8 июня по 4 июля 1910 года, Галерея искусства Деплани).

Жизнь художников

14 июня.

ВЫСТАВКА КАРТИН МАНГЕНА

Господин Манген сладострастный живописец. Он выставляет в Галерее Дрюэ пятьдесят картин, в которых есть немного беспечная чувственность. Как колорист, он замыкается в выражении контрастов, в которых бьёт свет наполовину мертвенно-бледный, наполовину цвета человеческого тела.

Странность этих оттенков противоречит академическому рисунку его обнажённых. Настоящее, но приводящее в замешательство, очарование является следствием этого странного противопоставления живописца и рисовальщика, которые суть один и тот же художник.

В ню Мангена есть языческая вольность. Его изумительные пейзажи говорят о молодом величии живописных мест, в июле, после восхода солнца.

Хорошо построенные, натюрморты Мангена радуют глаз, возможно, больше, чем остальные его картины. Именно в его композициях инстинкт колориста у господина Мангена проявляется целиком, не стесняемый, как в его ню, заботой о том, чтобы вырабатывать принципы живописи.

15 июня.

ВЫСТАВКА КАРТИН МАНЕ

В галерее Бернгейма есть милое собрание картин, писанных маслом, и пастелей того, кто, порвав со старыми предрассудками относительно светотени, ответственен за всё новаторство в современной живописи.

Мы будем иметь удовольствие увидеть здесь прекрасные картины Мане из коллекции Пелерена: *Завтрак в ателье*, *Марселен Дебутен*, *Нана*, *В кафе*, *Прогулка*, *Розовая дама*, *Автопортрет с палитрой* и этот изумительный *Бар в «Фоли-Бержер»*, что касается колорита и композиции, он, кажется, готов быть пастеризованным Сёра, микробиологом живописи.

Известные пастели Мане уже содержат Тулуз-Лотрека. Но он никогда не поднимался выше, тогда как Мане...

Будет уместно прибавить, что картины, объединённые для этой выставки, имеют неодинаковую ценность.

Имеются три картины, ценность которых выше ценности *Олимпии*, вызывающей, прежде всего, исторический интерес, и одну из которых поместили в Лувре, неожиданно повесив её рядом с *Одалиской* Энгра. Там также есть работы, лишённые всякой значимости, просто картинки.

Сама по себе эта выставка Мане очень интересна. Посещая её, мы, некоторым образом, переносимся к истоку этих потрясающих движений, революционизировавших изобразительное искусство конца XIX-го века, ещё не завершившихся, и никто не знает, где и когда они завершатся.

Уроки, которые можно извлечь из этой выставки, были бы более полными, если бы за этой ретроспективной выставкой последовала бы выставка Сезанна...

16 июня.

ГРАВИЮРЫ РИЧАРДА РЭНФТА

Ричард Рэнфт выставляет в галерее Ж. Шэн и Симонсона особую коллекцию собственных работ. Сказано, что речь идёт о редких авторских оттисках, об уникальном их перечне, о выгравированных этюдах, которые никогда не канут в лету.

Оригинальные цветные офорты того, кого в Англии считают лучшим интерпретатором Тёрнера, обладают истинной элегантностью. Рэнфт, интеллигентно, вызывает в представлении рафинированные фантазии, рисуемые ему воображением, и редкие спектакли, предлагаемые цивилизацией наших городов. Он любит маски, балерин, клоунов с той же нежностью, которая толкает его делать гравюры старой шаланды или мельницы на обрывистом берегу.

Ведь Рэнфт совсем не отграничивает городские аспекты природы от деревенских; поэтические изобретения мозга гениальных людей, кажется, имеют для него такую же реальность, как океан.

Стихи Ронсара или Гюстава Кана подсказали ему очаровательные работы.

Как говорит последний в предисловии, написанном для этой выставки:

«Этот живописец не литературный живописец, это живописец начитанный, а это совершенно разные вещи».

Ричард Рэнфт любит литературу в достаточной степени для того, чтобы придать ей лоск своего искусства, столь выразительного. Он превосходно проиллюстрировал множество книг, доступных в качестве предметов роскоши *To the happy few*.

Его иллюстрации дивных и поэтических *Голландских сказок* Гюстава Кана хорошо передают иронию, исполненную богатой образности, и изысканную меланхолию его известных новелл.

Здесь охотно посмотрят иллюстрации – 168 медных гравировальных досок с фиксацией для цветных рисунков – их Рэнфт изготовил для книги *Сумерки богов*, восхитительного трагического романа Элемира Буржа, изданного Обществом современной книги.

Хотелось бы знать, как художнику удалось уловить настроение, вызываемое сталью, обогрётной королевской кровью, проявляющееся в прекрасной работе величайшего писателя современности, великого поэта *Нефа*.

Досадное происшествие лишает нас этого удовольствия. Однако пожелаем, чтобы эта неприятность не стала непоправимой.

17 июня.

АКВАРЕЛИ И ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ ХУАНЕСА

Хуанес утончённый художник, очень высоко поднявший искусство акварели. Выразительный характер его картин, редкое и сдержанное сияние его красок, вершины, в изображении которых он находит удовольствие, дают ему безоговорочное право на титул «Тёрнера гор». Но антономазия – это риторический приём, ставший слишком немодным.

Скажут проще, что Хуанес есть один из редких европейских художников, могущих писать саму высоту гор и всё их благородство.

Он выставляет в галерее Ж. Шэн и Симонсон пятьдесят картин, среди которых найдут лирично окрашенные образы Вогезов и Доломитов.

Также полюбят утончённые и сильные картины, для создания которых стали поводом виды Венеции, долго созерцавшиеся.

Несколько пейзажей Иль-де-Франс счастливо завершают выставку, предлагающую, не давая полного представления о таланте Жане, по крайней мере, некоторое его обобщение, на которое приятно смотреть.

Зелёные утра Венеции, рассветы в Доломитах, утренние зори в Вогезах, тополя берегов Сены, акварели, пастели, тронутые акварелью, все работы Хуанеса, кажется, написаны растёртыми драгоценными камнями.

19 июня.

АНТУН ВАН ВЕЛИ

Господин Антун Ван Вели выставляет у Жоржа Пети портреты, среди которых заметны портреты Эдмонда Ростана, Сары Бернар, Сесили Сорель и прочих. Господин Ван Вели мило развлекается, комментируя, средствами изобразительного искусства, физиономии своих самых известных современников, и он даёт всем им одинаковое улыбающееся выражение на лицах. Они довольны своей славой, довольны самими собой. Они счастливы, что их портреты пишет господин Ван Вели.

21 июня.

ТРИСТА РИСУНКОВ СТЕЙЛЕНА

Издатель книг по искусству, господин Эдуард Пеллетан, убеждает нас посетить выставку трёхсот оригинальных рисунков Стейлена, послуживших иллюстрацией к *Песне босяков* (полное издание) и к *Последним песням моей первой книги* Жана Ришпена.

Почти всё сказано о веризме Стейлена. Он сыграл слишком важную роль в формировании, я говорю не только о литераторах, но также и главным образом о художниках, поколения, о котором я не хочу, чтобы говорили легкомысленно. Не правда ли, что ещё и сегодня художественный и литературный идеал подавляющего большинства заключается в представлении бедности, горестей современной жизни?

Эти иллюстрации содержат всё это, и пикантно комментируют лирическую живость поэм. Известно ли, что касается этих поэм, что оригинальное издание – и полное собрание сочинений – *Песни босяков*, всё ещё находится в недрах Национальной библиотеки?

Иллюстрации Стейлена для песен Жана Ришпена, как правило, нравятся публике, и, тем не менее, предприятие было рискованным. Не правда ли, это немислимое дело, иллюстрировать поэзию рисунками, в которых отсутствует элемент декоративности?

Суровый и меланхоличный веризм Стейлена и картинная и мощная экзальтация господина Жана Ришпена очень хорошо сочетаются.

27 сентября.

ЛИЦА СЕЗАННА У ВОЛЛАРА

Господин Воллар имеет обыкновение продлевать свои выставки за пределы фиксированного срока. Выставка *Лица* Сезанна всё ещё продолжается. Ведь те, кто не посмотрел это суровое и волнующее собрание картин, могли бы это сделать в течение ещё некоторого времени. Это посещение было бы полезным перед открытием Осеннего салона. Выставка послужит тому, чтобы оценить величину влияния мастера из Экса на молодую живопись. Известно, что большинство новых живописцев причисляют себя к ученикам этого искреннего и беспристрастного художника.

* * *

Говорили, что Сезанн сделал себя примитивным, чтобы подготовить новый классицизм, и это, по-видимому, должно означать, что его живопись, полная невежества и недостатков, могла бы служить уроком для цельного и имеющего право на существование искусства.

Полно! Разве плохое может породить хорошее? Небеса есть всего лишь образ преисподней? Прекрасное может быть старостью уродливого, и совершенное есть всего лишь искупление несовершенного?

Верно, что я, может быть, заблуждаюсь относительно смысла, вкладываемого в слово классицизм. Оно стало двусмысленным, каждый понимает его на свой лад. Но если мы в этом будем придерживаться раньше всех других принятого определения, мы обнаружим, что классическое определяет принятые большинством людей работы, являющиеся авторитетными, и это не моё дело решать, является ли Сезанн классиком или нет.

Но я точно знаю: в любом случае, я никогда не смогу смотреть на Сезанна как на примитивного художника. Я совершенно не нахожу места в его искусстве милой кропотливости, придающей двусмысленное очарование как работам художников-примитивистов, так и несовершенным литературным произведениям.

Сезанн примитивный, невежественный, живописец, не наделённый разумом? Полноте! Кропотливость примитивистов доходит до сухости. Разум Сезанна очерчивает великую простоту. Выверяя его в соответствии с природой, он сконцентрировал свой гений для возвышения импрессионизм до уровня искусства разума и культуры.

Всё это явно видно в его выразительных лицах, демонстрируемые нам в настоящее время господином Амбруазом Волларом, картины, дерзко покрытые лаком бесцеремонной рукой, испортившей, таким образом, – будем надеяться, на короткое время, – общую гармонию.

Но какое исключительное и полное силы изящество в этих портретах, очень простых, и таких строгих! Совершенному живописцу, провинциальному художнику Сезанну не хватает иногда очарования. Но его лица – даже самые деревенские – благородные, и есть у меня убеждённость в том, что он всегда превосходил человечность своих моделей.

(Энтрансижан.)

Маленький вернисаж в Гран-Пале. Немецкие художники собираются штурмовать предместье Сен-Антуан

30 сентября.

ВЫСТАВКА ЖИВОПИСИ И ВЫСТАВКА МЕБЕЛИ. – ОБЗОР СОБРАНИЯ РАБОТ В ОСЕННЕМ САЛОНЕ. – НЕМНЦЫ НЕ ВЫСТАВИЛИ ЧАСЫ

Завтра, 30 сентября, немцы будут штурмовать предместье Сен-Антуан. Баварские группировки, разбившие лагерь на авеню д'Антен, заняли восемнадцать залов в нижнем этаже Гран-Пале. Они очень затрудняют работу Осеннего салона, вернисаж которого состоится в течение битвы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.